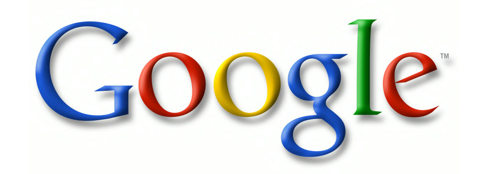

Google

UC-NRLF
$B 86 553

Значеніе
РУССКАГО ПРИКАРПАТЬЯ
для Россіи.

Прикарпатье будущее—второе Приамурье для Россіи, въ предстоящей ей борьбѣ съ вѣроломною Западною Европою.

изложилъ

И. И. Гумецкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1904.

Значеніе
РУССКАГО ПРИКАРПАТЬЯ
для Россіи.

Прикарпатье, будущее—второе Приамурье для Россіи, въ предстоящей ей борьбѣ съ вѣроломною Западною Европою.

И. И. Гумецкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1904.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 10 Марта 1904 г.

I

Прикарпатье и Приамурье.

Блажени кротцыи: яко тіи наслѣдятъ землю. (Мат. 5, 5).

Нынѣ прославися Сынъ Человѣческій, и Богъ прославися о немъ. Аще Богъ прославися о немъ, и Богъ прославитъ его въ Себѣ, и абіе прославитъ его. (Іоан. 13, 32).

Эти слова сказалъ Господь нашъ Спаситель, въ минуту, когда Іуда-Предатель, пользовавшійся столько времени Его благодѣяніями, собирался предать Его. Онъ кормилъ его хлѣбомъ, училъ, заботился о немъ,—а этотъ, вмѣсто благодарности, все это время, лишь обманывалъ Его, злоупотреблялъ Его добротою, и вдобавокъ всего, затѣялъ еще, въ своемъ зломъ сердцѣ, черную, гнусную измѣну: какъ бы погубить Христа? И когда, наконецъ, получивъ послѣдній разъ „Хлѣбъ“ отъ Спасителя, и по хлѣбѣ этомъ вошелъ въ него сатана, онъ вышелъ изъ собранія Святыхъ на Тайной Вечерѣ. Вышелъ, чтобы привести въ исполненіе свой страшный замыселъ, и такимъ образомъ, сдѣлать начало прославленію Сына Человѣческаго... Бѣ же нощь, егда изыде...

Нынѣ прославилась наша Святая Русь, и ея Православіе прославилось ею. А если Православіе прославилось ею, то и Православіе тоже прославитъ ее въ себѣ, и вдругъ прославитъ ее...

Эти слова опять можемъ мы сказать нынѣ, когда почти вся Западная Европа сдѣлала заговоръ противъ Россіи. Она нынѣ расплачивается съ Россіей, какъ Іуда Искаріотскій расплатился съ Христомъ, въ послѣдній день Тайной Вечери, и—повѣсился!.. Такъ и она дѣлаетъ нынѣ свой разсчетъ съ Россіей, и... что̀ будетъ, то будетъ, но она дѣлаетъ разсчетъ. Debet встрѣчается съ credit'-омъ. Сумма всѣхъ отдѣльныхъ итоговъ двухсотлѣтнихъ благодѣяній, оказываемыхъ Россіей Европѣ, расплачивается нынѣ суммою всѣхъ итоговъ козней, коварствъ и самой черной, наглой и цинической неблагодарности и измѣны, на какія только способна вся масса западноевропейскаго ума, умноженная массой всѣхъ пособій цивилизаціи—науки, искусствъ и художества!..

Впрочемъ, всегда такъ бываетъ на свѣтѣ, даже при равныхъ условіяхъ. Но при неравныхъ, всегда хуже. Россія вступила съ Европой—въ mésalliance! И нынѣ дорого расплачивается за капризъ старой и хитрой дѣвки. И по дѣломъ! Не якшаться-же тебѣ, варваръ, съ ученымъ европейцемъ. Знай сверчокъ свой шестокъ!

Европа сдѣлала противъ Россіи общій заговоръ. Спрашивается: кто нынѣ не врагъ Россіи? И Нѣмецъ—врагъ, и Австрія—врагъ, и Англичанинъ—врагъ, и Итальянецъ — врагъ, и Шведъ—врагъ, и Румынъ—врагъ, и Испанія—не другъ, и Португалія—не другъ, и Греція—не другъ, и всѣ славянскія государствишки двое-

душны... А Францiя?—Эта „конечно" другъ, но до времени, пока примирится съ Нѣмцемъ, а тогда она войдетъ опять въ свою „естественную" колею, изъ которой вышла, благодаря стеченiю особыхъ обстоятельствъ.

Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ врагахъ, что̀ въ Европѣ, такъ-какъ о врагахъ, находящихся въ другихъ странахъ—а этимъ имя тоже легiонъ—мы уже и упоминать не хотимъ. Но во всемъ этомъ замѣтно однако то, что тѣ государства, которыя болѣе всего пользовались благодѣянiями Россiи, какъ нпр. Австрiя, Германiя.., эти и болѣе всѣхъ дышатъ предательствомъ къ Россiи. Между-тѣмъ Францiя, которая получала отъ нея всегда только одни удары, нынѣ самая преданная ей подруга. А изъ этого выходитъ нравоученiе: хочешь воспитать себѣ друга: дай ему, разъ — калачъ, а два раза — въ затылокъ!.. Чтобы зналъ цѣнить твою милость, и не избаловался. Россiя слишкомъ избаловала Европу, и эта раскапризничалась.

Вотъ и итоги всѣхъ успѣховъ нашей славной дипломатiи, за послѣднiя два столѣтiя, стѣхъ-поръ, какъ она перешла въ руки Нѣмцевъ, нашихъ любезныхъ „культуртрегеровъ", и какъ ея дѣятелей стали дрессировать въ новой школѣ нѣмецкихъ плюдергозовъ и французскихъ панталоновъ! Право, такую димпоматiю—разссорить насъ со всѣми государствами мiра—сумѣютъ вести и недипломаты...

Но Европа дѣлаетъ свое дѣло. Она знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Хотя не знаетъ, и знать не можетъ того, что̀ изъ этого выйдетъ. Впрочемъ, и Iуда Искарiотскiй тоже зналъ, что̀ дѣлалъ, хотя тоже былъ

плохимъ дипломатомъ, и не могъ „предвидѣть“ того, что, въ концѣ концовъ, придется ему—удавиться. Онъ, нехотя, сдѣлалъ первый починъ къ прославленію Христа, предавъ Его на распятье. Быть можетъ, и эти козни европейцевъ только прославятъ Россію?.. Она дочь Востока, дочь Православія, прославила свое Православіе тѣмъ, что всѣмъ творила добро. И за это она и поплатилась. Будь она дочь Запада, воспитанная Римомъ, она всѣмъ творила бы только зло, и подстрекала бы народы противъ ихъ законныхъ государей.

Такъ вотъ и это дорогое ея Православіе, быть можетъ, вдругъ прославитъ ее опять?..

Замѣчательно, однако, во всей этой кабалѣ то, что точно такой же общій заговоръ (хотя и прикрытый нынѣ улыбкою лицемѣрія), мы встрѣчаемъ только одинъ разъ во всемірной исторіи, во время крестовыхъ походовъ—противъ Турціи. Но знаменательно и то, что Турція именно вышла побѣдительницею изъ этого заговора. Есть надежда что Господь помилуетъ и насъ много-многогрѣшныхъ.

Но Европа бѣсится и ворчитъ. И всѣ адскія силы призываетъ себѣ въ помощь.

„Равновѣсье міра нарушено“!.. оретъ надрываясь.

Нашъ, мощный, русскій Святогоръ завалилъ собою чуть-ли не половину всего міра, и готовится нынѣ къ тому, чтобы повелѣвать и надъ второй половиной. Самъ одинъ хочетъ хозяйничать, а всю ученую Европу заперъ въ тѣсныя клѣтки западноевропейской менажеріи. Между-тѣмъ, какъ ихъ тщедушные философы тратили время въ безплодныхъ спорахъ и ссорахъ о томъ: кто лучше можетъ управлять государствомъ?—цари-ли? или же

конторщики жидовскихъ редакцій, и представители фирмъ Круппа, Артура Коппеля и др.?—нашъ удалой богатырь, ничего не разсуждая, да только думая о томъ: какъ бы порадовать своего Царя-Батюшку?—ступалъ все впередъ да впередъ. И покамѣсть ученые классики успѣли рѣшить—впрочемъ, чрезвычайной важности—вопросъ науки: зачѣмъ Ахиллесъ, ходилъ въ опоркахъ, разъ у него торчали голыя пятки?... должно быть... не пропилъ-ли онъ сапогъ, какъ наборщикъ на третій день послѣ получки?.. тѣмъ временемъ наши казачки, добрые молодцы, Ермаки, Дежневы и др., въ опоркахъ-ли? безъ опорковъ-ли? а то, пожалуй, и почище Ахиллеса, даже вовсе безъ рубахи—по системѣ Рѣпина—доскакали, на своихъ выносливыхъ лошадкахъ, уже до послѣднихъ предѣловъ крайняго Востока!

Теперь только и спохватились бѣдные обыватели тѣсной западноевропейской менажеріи. И давай выть благимъ матомъ! Воютъ, визжатъ, пищатъ, тявкаютъ, хрюкаютъ... на всѣ лады—всѣ эти собаки да собаченки, всѣ обезьяны да обезьянки, и бóльшія и меньшія... Но нашъ Святогоръ стоитъ, да только усикъ себѣ подергиваетъ. И вотъ, они-то всѣ и сговорились и составили общую стачку противъ него.

Тутъ нѣтъ теперь уже, ни Нѣмцевъ ни Англичанъ ни Итальянцевъ ни кто бы тамъ, впрочемъ, ни былъ, а есть, всегонавсего, только *два* народа: одинъ—*западноевропейскій*, а другой—*русскій*. Или есть то, чтò было у нашихъ отцевъ въ древности, и чтò еще и нынѣ есть у всего славянскаго простонародья, т. е. — „Нѣмцы“ и „Словѣне“. Всякій европеецъ, который былъ „нѣмъ“

на словѣнское „слово", считался у нихъ «Нѣмцемъ», а кто говорилъ этимъ „словомъ", тотъ и назывался „Словѣникомъ". Къ этому и возвращаемся мы, наконецъ, послѣ столькихъ ученій.

Нечего увлекаться намъ и Французами. Нашъ „союзъ" съ ними, это союзъ временный, союзъ чисто конторскихъ разсчетовъ. Кончится дѣло, или же пройдетъ время необходимости, и сыны Галліи возвратятся опять къ своему прежнему настроенію по отношенію къ Россіи. Они будутъ тѣже «Нѣмцы», тѣже ненавистники Руси, какіе они были и раньше. А не быть таковыми, они даже и не могутъ, хотя бы, наконецъ, и сами этого не желали, такъ-какъ европейская культура не сглаживаетъ племенной ненависти между народами, а какъ видимъ, она ее еще усиливаетъ. Замѣчательно, что некультурные, европействомъ, народы скорѣе уживаются съ собою, нежели культурные.

Такъ, стоятъ, другъ противъ друга, два народа. Съ одной стороны—западноевропейскій „Нѣмецъ", съ другой же—русскій „Словѣнинъ", нашъ народный богатырь, удалой Святогоръ. Первый дышетъ непримиримою враждою къ нашему богатырю, и враждою природною. Ему стало тѣсно. Противъ него стоитъ Святогоръ, одинъ одинешенекъ. Онъ даже на свою славянскую родню не вполнѣ можетъ разсчитывать. Простора-то ему много-много. Есть гдѣ раскинуться. Да всеже отдать даромъ—какъ-же? Пожить-то, пожалуй, и можно бы еще, да негдѣ поплясать, коли случится, да помолодцевать на лихой тройкѣ...

Онъ стоитъ и видитъ, змѣинымъ огнемъ, сверкающіе глаза старой европейской вѣдьмы. И онъ недоумѣваетъ: что̀ такое?.. Онъ испытуетъ свою

совѣсть, но не находитъ за собою никакой вины, а напротивъ, чувствуетъ, что въ точности исполнилъ завѣтъ Христовой любви къ ближнему. А если чѣмъ и погрѣшилъ, то развѣ именно лишь тѣмъ, что̀ въ своемъ рвеніи, исполнить въ точности святой завѣтъ Спасителя, онъ бросалъ хлѣбъ туда, гдѣ были „псы", а бралъ его оттуда, гдѣ жили дѣти. Оттого псы разжирѣли, а дѣти похудѣли. Будь онъ, какъ мы это уже сказали, сынъ католическаго Запада, онъ былъ бы для нихъ средневѣковымъ цезаре-папой, и несъ бы имъ навстрѣчу огонь да мечъ. Но онъ сынъ—Православнаго Востока: и онъ былъ для нихъ ангеломъ мира, и несъ имъ навстрѣчу—миръ да хлѣбъ.

Вотъ чѣмъ онъ и грѣшенъ!.. Значить, вина есть всеже, грѣхъ есть. И эта вина, этотъ грѣхъ и грозитъ теперь выместить себя. Какой-же великой правды исполнены слова Спасителя, сказанныя, съ такою простотою, женѣ Сvрофиникиссѣ: „нѣсть добро, отяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ."! (Мат. 15, 26). Или же: „Не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими и вращшеся расторгнутъ вы."! (Мат. 7, 6). Мы же бросали обильно, и хлѣбъ и всѣ наши драгоцѣннѣйшіе бисера, даже кровь собственныхъ сыновъ, подъ ноги разнымъ „свиніямъ" и „псамъ" изъ этой западноевропейской менажеріи, и они ихъ попрали, и нынѣ поворачиваются зубами къ намъ, и угрожаютъ еще насъ самихъ растерзать. Откормившись и расжирѣвши на нашемъ хлѣбѣ, аппетитъ у нихъ разыгрался дотого, что нынѣ они недовольны уже однимъ хлѣбомъ, а хотятъ, вмѣсто благодарности, поглотить уже, просто, свою

благодѣтельницу. Несчастные! мы не вѣрили, что волка укрощаютъ голодомъ, а змѣю холодомъ. Мы сказали: нѣтъ! мы ихъ откормимъ да отогрѣемъ, и тогда они будутъ нашими друзьями. Ну, они и стали „друзьями"...

Да и по дѣломъ же намъ!.. Но, впрочемъ, это обычная мзда каждому рабу. Мы гордились, считали величайшимъ нашимъ счастьемъ, что насъ удостоили служить рабами въ прихожей старыхъ развратниковъ Запада, да плестись во хвостѣ всѣхъ гросъ- и клейнъ-михелевъ. И за эту честь мы платили милліарды денегъ, да цѣлыя арміи нашихъ лучшихъ сыновъ посылали на истребленіе, изъ-за предательской „дружбы" съ ними. Мы величались, что, дескать, вступили, наконецъ, въ „концертъ" европейскихъ государствъ. Конечно, каждый лакей вступаетъ въ концертъ со своимъ бариномъ, безъ этого онъ не могъ бы быть его лакеемъ, но за эту „честь" съ него ничего не требуютъ, а напротивъ, платятъ ему еще жалованье, и нерѣдко, даютъ еще „на чай"... Великая Москва никогда не унизила бы себя до такой степени, и вела бы себя со свойственнымъ ей достоинствомъ. И не она, а всѣ ея „гости" гордились бы тѣмъ, что могутъ войти въ „концертъ" съ ея могуществомъ, и удостоиться блюда „изъ Царскаго стола" въ Грановитой палатѣ. Самъ Наполеонъ, каковъ онъ, впрочемъ, ни былъ, мало, вообще, придавалъ значенія своимъ побѣдамъ на Западѣ, но онъ чрезвычайно гордился тѣмъ, когда вдругъ очутился въ стѣнахъ несокрушимаго Кремля великихъ Московскихъ Самодержцевъ...

Тѣмъ временемъ, тщедушный Петербургъ довольствовался всегда лишь тѣмъ, что за свои

жертвы, угодничанія и ухаживанія получалъ двусмысленную улыбку снисходительнаго одобренія, въ сущности—презрѣнія... Но зато онъ постоянно „удивлялъ" весь міръ! Но чѣмъ?—Это знаетъ лишь тотъ-же „міръ". Бѣда только, что за это „удивленіе" приходилось всегда очень ужъ дорого расплачиваться русскому человѣку...

А это все униженіе, это обезличеніе, принесли къ намъ изъ Запада, опять-таки, тѣже клейнмихели и разные т. п. „коты въ сапогахъ". Они привыкли всегда пресмыкаться у себя дома, и повели нашу политику сознательно на тотъ-же путь пресмыканія и униженія. До того наши природные русскіе представители держали всегда «высоко честь Цареву», и ни въ чемъ не поступались въ этомъ отношеніи. Но къ такому порядку Европа теперь уже и привыкла, такъ что она приступаетъ всегда требовательно къ Россіи. И если что̀ малѣйшее не въ духѣ теоріи клейнмихелевъ, то она тотчасъ кричитъ «караулъ»!..

Исторія развитія этихъ агресивныхъ вожделѣній на Россію Западной Европы имѣетъ за собою уже полныя два столѣтья. Нынѣ Россія вступаетъ въ третій періодъ этой исторіи. Первый былъ—надо признать—безсознательный, но онъ былъ непремѣннымъ условіемъ и въ строгой генетической связи съ послѣдующими періодами. Это былъ періодъ—если такъ можно сказать—«захватительный». Въ этомъ періодѣ, (18-тое стол.) западноевропейскіе инородцы и иновѣрцы стремились, непрерывною лавою, въ предѣлы Россіи. Они старались захватить побольше, что̀ можно и сколько можно, по всѣмъ отраслямъ государственной и частной жизни: по администраціи, по экономіи и т. п.,

ничего, впрочемъ, болѣе не думая. Они-то и стали *піонерами* будущаго напора на Россію алчныхъ европейцевъ.

Во второмъ періодѣ (19-тое стол.) они уже опознались, и начертали себѣ сознательно систематическій планъ дѣйствія. Они именно стали уже сознательно растлѣвать русскаго человѣка, и разными вздорными теоріями и—водкой. Они стали насъ учить бунтоваться и обдѣлывать казну, утверждая въ тоже время, что, дескать, только они одни могутъ «честно» служить, въ сущности, еще лучше—того-съ... Русскій, если и погрѣшитъ на службѣ, но зато въ тяжелую годину испытаній, онъ отдастъ, не только все имъ похищенное, но и все свое имущество, если нужно, а въ придачу еще и свою жизнь, какъ это нпр. и нынѣ уже видимъ. Но проворуется инородецъ,—онъ, въ тяжелую минуту, ловко сликвидируетъ свое имущество, улизнетъ съ кошелькомъ—и поминай какъ звали... Поэтому вѣрно говоритъ простой, русскій, мужицкій умъ: „Хоть воръ да свой“. Отъ этого бѣднѣетъ только одна казна, но не Русь; въ другомъ же случаѣ,—и казна и Русь, а наживается только ея паразитъ... Нынѣ военное время, желательно было бы знать: какой процентъ пожертвованій даютъ инородцы, и сколько добровольцевъ?..

Эти теоріи были нерѣдко придуманы на скорую руку, и только для одной Россіи, между-тѣмъ какъ сами культуртрегеры нисколько ими не восхищались. Главное несчастье то, что имъ удалось примѣнить къ Россіи космополитическое возрѣніе на задачи народнаго просвѣщенія. Этимъ причинили они намъ самое большое несчастье, такъ-какъ, такимъ образомъ, они „раздѣлили Русь на Русь“, и

создали враговъ Россіи въ средѣ ея собственныхъ сыновъ. „Наука, дескать, не знаетъ государствъ, ни «узкаго» патріотизма, а есть космополитическая“—твердили они всегда, да и нынѣ еще твердятъ русскому, легковѣрному и добродушному человѣку. И хотя они у себя дома нисколько не примѣняютъ этой теоріи, а воспитуютъ своихъ дѣтей въ строгомъ патріотизмѣ, по завѣту такихъ нпр. Момзеновъ и др., то у насъ, въ Россіи, они, почему-то, всегда упорно ее отстаиваютъ. Значитъ, по ихъ пониманію дѣла, наука для Россіи должна быть другая, чѣмъ для остальной Европы. Слѣдовало бы и намъ запомнить себѣ это, ими-же самими, поставленное правило. Благодаря этому, они подорвали у нашего общества вѣру во всѣ главные устои русской общественной и государственной жизни, подорвали вѣру въ Бога, въ Царя да и въ само Отечество. Все родное предали осмѣянію и осмѣиваютъ его тоидѣло даже до нынѣшняго дня, въ разныхъ своихъ „Шутахъ“, „Развлеченіяхъ“, въ игрушкахъ и т. п. тысячахъ изданій и разныхъ другихъ предметахъ, къ величайшему удовольствію русскаго „культурнаго“ человѣка. По ихъ примѣру пошло много также изъ среды сыновъ нашей родной семьи... Такимъ образомъ и зародился у насъ этотъ несчастный и убійственный космополитизмъ, въ сущности же—„автопессимизмъ“,—если такъ можно выразиться—т. е. эта преступная, противоестественная, варварская, какая-то, особенная вражда, ненависть къ собственной Матери, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного другого народа. Она-то избѣгаетъ всегда свѣта, и роется постоянно гнусной гіеной въ гнилыхъ могилахъ давно разложившихся труповъ, и копается

въ помойныхъ ямахъ у черныхъ входовъ жилыхъ людскихъ домовъ...

Наконецъ, въ третьемъ періодѣ,—въ нынѣшнее уже, 20-тое стол.—они почувствовали себя уже настолько окрѣпшими и укрѣпившимися въ Россіи, и сочли почву уже настолько подготовленною, что—думалось имъ—можно уже приступить прямо къ потрясенію великаго царства. Стали даже дѣлать опыты...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что первый и второй періоды были лишь подготовительными, именно, первый былъ—*захватительный*, второй—*растлительный*, а наконецъ, третій есть уже, просто,—*разрушительный*. Удивительная, строго логичная послѣдовательность!.. Но изъ этого мы видимъ наглядно, что мы, несчастные, вошли, не въ „концертъ“ съ Европой, какъ мы напрасно льстимъ себѣ, а что мы, просто, попались къ ней въ кабалу. Мы открыли двери, не для „цивилизаціи, а для—если употребить игру словъ—*эксплоатаціи*, затѣмъ—*деправаціи*, а наконецъ—*оккупаціи*...

Этотъ всеобщій, естественный и стихійный заговоръ противъ Россіи всей Западной Европы опредѣляется нынѣ все болѣе и болѣе. Онъ принимаетъ нынѣ два вида, совсѣмъ противоположнаго характера, которые начинають заявлять себя на двухъ, совсѣмъ отдѣльныхъ и далеко, одно отъ другого, отстоящихъ поляхъ дѣйствія. Одинъ видъ—открытый, громкій, всѣми замѣчаемый, дѣйствующія лица всѣ въ военномъ мундирѣ, бряцаютъ оружьемъ, и гремятъ разрушительными орудьями... Здѣсь мы разумѣемъ — Дальній Востокъ. Здѣсь наболѣвшій кознями нарывъ уже прорвался, въ видѣ разразившейся нынѣ японской войны.

Другой видъ — скрытный, подпольный, ехидный, предательскій. Дѣло все прикрыто черною пеленою общей неизвѣстности, принимаетъ даже молитвенный обликъ, а дѣйствующія лица даже въ духовной одеждѣ, закутанныя въ плащъ іезуита. Все тихо, тшъ!.. Это—близкій, и даже очень близкій къ намъ, Западъ, въ которомъ главную роль играетъ, и „должно сыграть“, наше русское, родное—Прикарпатье!..

Пользуясь тѣмъ, что все наше вниманіе сосредоточено на Дальнемъ Востокѣ, наши враги, съ лихорадочною торопливостію, подготовляютъ здѣсъ такія вещи, которыя, современемъ, могутъ еще превзойти событія въ этой отдаленной окраинѣ. Какъ тамъ—не Японцы и Китайцы главные дѣятели: эти служатъ лишь слѣпымъ орудьемъ въ рукахъ разныхъ породъ злыхъ лисицъ и голодныхъ волковъ изъ западноевропейской менажеріи,— такъ и здѣсь, на ближнемъ Западѣ, сосредоточены весь умъ и козни въ рукахъ той-же оравы, которой жалкую роль Японцевъ, доброхотно, приняли на себя, всегда на все готовые, если дѣло противъ „Москаля“, несчастные психопаты славянства — Поляки. Словомъ, на Дальнемъ Востокѣ Европа дѣйствуетъ противъ Россіи—*силой*, поэтому тамъ весь умъ ея олицетворился въ видѣ военныхъ сыновъ Марса. Здѣсь же, на ближнемъ Западѣ, въ Прикарпатьѣ, Европа дѣйствуетъ противъ Россіи—*смутами*, поэтому здѣсь весь ея умъ вылился въ видѣ, мастеровъ въ этомъ дѣлѣ, всегда лицемѣрныхъ и ехидныхъ, сыновъ—Лойолы, съ цѣлою арміею духовныхъ лицъ всѣхъ другихъ орденовъ, и всего католическаго духовенства, воглавѣ съ „непогрѣшимымъ“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ-будто, къ

великанскому броненосцу Россіи приставлены двѣ мины, чтобы его взорвать. Одна — къ переду, другая—къ заду. Объ этой-то первой минѣ, приставленной Европой къ переду нашего народнаго броненосца, мы и хотимъ нынѣ поговорить, хотимъ приподнять немножко эту таинственную пелену неизвѣстности, чтобы разоблачить кое-что изъ цѣлой бездны всѣхъ скрытыхъ тамъ козней, чтобы обратить вниманіе, и такимъ образомъ, хотя слегка опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ и будетъ имѣть, и ту роль, какую, силою обстоятельствъ, намѣчена сыграть эта жертва, противъ собственнаго народа, въ руку своихъ злѣйшихъ враговъ, въ предстоящей отчаянной борьбѣ нашей Святой Руси со всею Европою. А эта жертва—*Прикарпатская Русь!..*

II.

Прикарпатье, второй „операціонный базисъ“ Европы против России.

„Поляки должны стремиться къ такому автономному устройству Галичины, *чтобы она служила точкою опора для прочихъ частей Польши*“ *).—Эти слова сказалъ кн. Адамъ Сапѣга, сынъ Льва Сапѣги, „маршалка“ (председателя) сойма, на *первомъ* засѣданіи, *перваго*, возобновленнаго, галицкаго сойма **) въ Львовѣ, 22-го августа 1868 г.

Къ этому присоединился гр. Адамъ Потоцкій, который пошелъ дальше, и опредѣлилъ подробнѣе польскую политику, сказавъ, „что Поляки, должны избрать своимъ окликомъ—сближеніе съ простонародьемъ, *чтобы втянуть его въ кругъ своей политической дѣятельности, и этимъ путемъ укрѣпить свои силы*“ ***).

Тотъ-же Адамъ Потоцкій, въ теченіе времени,

*) Stenogr. spraw. gal. scjmu 1868 г., стр. 463 (Ф. И. С. „Прикарпатская Русь“).

**) Мы употребляемъ здѣсь „соймъ“, а не „сеймъ“, какъ форму обрусѣвшую (цсл. „сонмъ“), живущую досихпоръ въ устахъ галицкаго населенія; вторая форма—польская.

***) Тамъ-же, стр. 411.

когда Поляки усилили больше свою власть въ Галичинѣ, подалъ первый мысль—просвѣщать простой народъ „въ духѣ Мицкевича“, т. е. *въ ненавистничествѣ противъ Россіи* и всего русскаго, даже галицко-русскаго. Эта мысль принялась быстро въ польскомъ обществѣ, ей дали ходъ, и мы видимъ нынѣ дѣйствительно, что польское простонародье начинаетъ, въ самомъ дѣлѣ, все болѣе и болѣе пропитываться ненавистью противъ Россіи, чего раньше у него не было.

Вотъ и ключъ къ уразумѣнію всего послѣдующаго! Что-же тутъ еще не ясно? Не прямой-ли это вызовъ?

Адамъ Сапѣга поднялъ Прикарпатье до значенія „операціоннаго базиса“ противъ Россіи; Адамъ Потоцкій опредѣлилъ орудье, которое имъ нужно для возстановленія своей ойчизны; наконецъ, тотже Адамъ Потоцкій опредѣлилъ, впослѣдствіи, точно такъ-же еще и то, что это орудье должно быть приготовлено *въ духѣ Мицкевича*—„поэта измѣны“!..

Опредѣливъ, такимъ образомъ, операціонный базисъ для своей политики, Поляки, тѣмъ самымъ, опредѣлили его и для козней европейцевъ противъ Россіи, которые вѣдь всегда лишь смотрятъ: гдѣ Поляки?—чтобы использовать ихъ роковую слабость, по отношенію къ Русскимъ, для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

И нынѣ работаютъ тамъ дружно, и Поляки и Австрія и Германія, даже Англія, наконецъ, Евреи всего міра, а позади всѣхъ, въ тѣни, всегда прячущійся отъ свѣта, отдаленный и всегда коварный, подстрекатель всѣхъ — Римъ. Германцы даютъ деньги, издаютъ враждебныя Россіи

газеты, Англичане, по крайней мѣрѣ, дали тоже немалыя деньги, Австрійцы прикрываютъ всѣхъ своею фирмою „дружественной державы“, а Поляки прикрываютъ всѣхъ своею польскою личиною. Видимъ, все идетъ дружно, рука руку моетъ, и работа кипитъ. Все тихо, спокойно, никого не видно, только однихъ Поляковъ. Такъ мы только о Полякахъ и будемъ говорить, объ этомъ несчастномъ и ослѣпленномъ орудьѣ Европы.

Дѣлая, какъ мы это выше представили, замыселъ противъ Россіи, противъ всей громадной Руси, Западная Европа, тѣмъ самымъ, сдѣлала замыселъ и противъ Прикарпатской Руси, какъ части цѣлаго. Русь—все равно Русь. Съ тою только разницей, что то, что она собирается исполнить на Державной Руси, она уже въ значительной части осуществила на Руси Подъяремной, еще прежде общаго заговора, посредствомъ своихъ піонеровъ, тѣхъ-же Поляковъ. Она уже, такъ-сказать, захватила одну часть Россіи, и держитъ ее за прикарпатскій конецъ, превративъ ее, такимъ образомъ, въ „козла отпущенія“ всей Руси, на которомъ она нынѣ и вымещаетъ все то, что пока на Россіи выместить не можетъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и превращаетъ ее въ рычагъ, чтобы посредствомъ него отторгнуть еще и другія области.

Любопытно узнать: какъ-же это мы отнеслись къ этому событью исторіи? И поняли-ли мы, по крайней мѣрѣ, значеніе этого событья, да и ту роль, которую сама исторія влагаетъ намъ въ руки — сыграть въ виду грядущихъ событій?.. Нисколько! Мы, дѣлая жертвою предательской космополитической учености свою собственную Русь, которая ближе къ намъ, само собою

понятно: какъ мы могли интересоваться тою Русью, которая за рубежемъ Россіи, гдѣ-то, въ глуби Карпатскихъ горъ?... Мы о своей-то мало что̀ знали,—что̀ мы могли знать о той? Да мы и не подозрѣвали, вообще, ея существованія! Да и зачѣмъ намъ это? зачѣмъ намъ она?—когда и со своей, нашъ несчастный космополитъ, не знаетъ что̀ сдѣлать, и съ молотка продаетъ ее клочками разнымъ Ротшильдамъ, Гиршамъ, Нобелямъ и другимъ жидамъ, и разнымъ жидовскимъ, жидоподобнымъ и жидовствующимъ компаніямъ.

Но слава Богу, времена эти стали проходить. Тучи разсѣиваются, русское зрѣимо начинаетъ проясняться. Нынѣ событья такого рода, что каждый дорожитъ своимъ клочкомъ земли, на которомъ сидитъ. Вопреки лжи жалкихъ подражателей чужихъ мыслей, наша Русь продолжаетъ всетаки существовать, и хотя, благодаря всѣмъ этого рода незрѣлымъ и болѣзненнымъ теоріямъ, и заѣденная до половины тунеядными насѣкомыми, нахлынувшими на нее со всѣхъ сторонъ свѣта, начинаетъ оживать. Начинаетъ заявлять о себѣ и Русь зарубежная. Что̀ поможетъ больной бредъ, когда здравая дѣйствительность говоритъ совсѣмъ иначе? Та Русь была, если еще не совсѣмъ изъѣдена, то уже совсѣмъ заѣдена. Была уже мертва, только малая искорка жизни таилась у нея еще гдѣ-то. И что-же? Пятьдесятъ лѣтъ миновало, и изъ этой искорки возродилась новая жизнь, которая нынѣ ключемъ бьетъ, пламенемъ горитъ. Но ее могутъ, да и хотятъ, опять потушить, и вотъ она-то и обращается нынѣ къ намъ, и зоветъ: „Я жива! Помогите, добрые люди, подняться на ноги!..

И дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ.

Мы нынѣ уже знаемъ, что нашей Руси не столько лишь, сколько ея заключено въ нашихъ государственныхъ границахъ, въ чемъ насъ, съ такою настойчивостью, хотѣли и хотятъ увѣрить наши враги, а что она какъ лава разливается и переливается еще и по ту сторону границы, и сплошною тяжелою массою простирается далеко-далеко на югъ, въ глубь Карпатскихъ горъ. Прорывается даже сквозь Карпаты, и все дальше и дальше къ югу, теряясь незамѣтно, гдѣ-то, въ притисинскихъ степяхъ... Оттого она и называется „Прикарпатскою" Русью, пресѣченная, во всю длину, карпатскимъ хребтомъ.

И слава Богу, что наша земля такая великая!.. Но мы знаемъ еще и то, что она вся *наша*, что это достояніе нашихъ отцевъ, не хуже Кіева, Новгорода, Владиміра и другихъ нашихъ земель. Какъ мы могли ее такъ совершенно забыть?.. Это одно только непонятно. По этому нынѣ наша прямая обязанность—защищать ее, и удержать ее и впредь русскою. И мы ее защитимъ и удержимъ—русскою. А спасая ее, мы спасаемъ—не Галичанъ, не Буковинцевъ, не Угрорусскихъ: они всѣ тутъ не при чемъ,—а спасаемъ только самихъ себя, мы спасаемъ только то чтò наше было, чтò есть, и чтò будетъ наше, и до этого никому дѣла нѣтъ! А понравится-ли это Галичанамъ, Буковинцамъ, и др., или не понравится?—намъ, въ сущности, до этого дѣла нѣтъ, такъ какъ намъ не было дѣла до того: понравится-ли это Новгороду или Кіеву, когда мы ихъ объединяли, или же нѣтъ? И мы сдѣлали свое дѣло. Такъ мы сдѣлаемъ свое дѣло, и съ этимъ прикарпатскимъ нашимъ *наслѣдьемъ*. А тамъ, пусть кому нравится это или не нравиться, намъ

этого и знать не надо. Въ наши руки отдана судьба „всей Руси“, и мы распорядимся ею какъ заблагоразсудимъ. Словомъ, мы исполняемъ только то что завѣщали намъ наши великіе отцы. И за это мы и дадимъ отвѣтъ предъ Богомъ и русской исторіей.

Вопросъ теперь: какую-же роль придется сыграть этой оторванной отъ насъ частицѣ, зарубежной Руси, въ предстоящей тяжелой борьбѣ Россіи съ Западомъ? Будетъ-ли она на нашей сторонѣ? Или-же она станетъ въ ряды нашихъ враговъ?

Но отвѣтъ на это очень легокъ. Именно—*это зависитъ вполнѣ отъ насъ самихъ!* Какъ мы хотимъ такою она и будетъ. Мы можемъ превратить ее для себя въ сильный и очень ловкій рычагъ, которымъ, управляя умѣло, мы можетъ наносить чрезвычайный вредъ нашимъ врагамъ, впереди насъ, и разстраивать сильно ихъ ряды. Но мы можемъ ее сдѣлать такимъ-же ловкимъ рычагомъ и въ рукахъ нашихъ противниковъ, которымъ, управляя умѣло, какъ это они всегда понимаютъ, они будутъ безпощадно ломать и разстраивать наши-же ряды, и вносить въ нашу среду безконечныя смуты и крамолы, съ которыми мы—какъ опытъ показываетъ—никогда справиться не будемъ въ состояніи.

Вотъ и отвѣтъ! А теперь выбирайте, господа, что кому любо?.. Отъ этого выбора и зависитъ вся роль, какую придется сыграть нашему-же русскому Прикарпатью въ исторіи Россіи. Удачнымъ или неудачнымъ выборомъ опредѣляется и вся польза либо вредъ отъ него для нашего отечества. На всякій случай, какъ видимъ, значеніе Прикарпатья для Россіи громадно, все равно, въ ту-ли или другую сторону, толкнетъ его судьба, а лучше сказать, наша собственная воля, такъ-какъ, повто-

ряемъ, вполнѣ отъ насъ зависитъ, дать его тяготѣнію то или другое направленіе.

Присмотримся-же поближе къ этой странѣ.

Оставаясь, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, внѣ предѣловъ вліянія нашей государственности, эта наша, какъ-будто, новооткрытая нынѣ нами Прикарпатская Русь, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, должна вести одна неусыпную борьбу за свое существованіе. Какъ ни тяжела эта борьба, сама по себѣ, но она усложнена еще тѣмъ, что вся эта область, кромѣ того, какъ извѣстно, еще разбита на три отдѣльныя административныя единицы: на Галичину, Буковину и русское-же Закарпатье или, такъ называемую, Закарпатскую или Угорскую Русь. И въ каждомъ участкѣ приходится ей имѣть дѣло съ другимъ врагомъ: въ Галичинѣ—съ Поляками, въ Буковинѣ—съ Румынами, въ Закарпатьѣ же—съ Мадьярами, которые всѣ держатъ въ своихъ рукахъ правленіе. Сама же Русь, ни въ одномъ участкѣ своей родной земли, не пользуется правами хозяйки. Всѣ эти условья, понятно, ослабляютъ еще болѣе и безъ того слабыя силы прикарпатскихъ нашихъ братьевъ, въ ихъ борьбѣ съ безпощадными врагами.

Но въ послѣднее время начинаетъ заявлять о себѣ еще четвертая русская единица. Это „Американская“ Русь. Политическій и вѣроисповѣдный гнетъ, претерпѣваемый нашими земляками на ихъ родной землѣ, отразился разорительнымъ образомъ также и на экономическихъ условьяхъ ихъ жизни. Началось выселеніе русскаго народа, изъ его прадѣдной земли, въ заокеанскую Америку. За тысячами пошли тысячи. Тысячи погибли въ дорогѣ отъ лишеній всякаго рода, отъ незнанія условій,

и отъ невзгодъ природныхъ силъ чуждой имъ страны. Словомъ, для Руси не хватило уже земли на Руси, хотя для ея враговъ, для этихъ разнаго рода пришлыхъ тунеядныхъ насѣкомыхъ, всегда ея тамъ достаточно. И нынѣ этой выселившейся за море Руси, этихъ, поистинѣ, разсѣянныхъ, по лицу всей Америки, чадъ русскаго Израиля, отъ его младшихъ (хотя не временемъ) прикарпатскихъ колѣнъ, находится тамъ уже до—*полумилліона*!.. А это сломало еще болѣе силы остальныхъ, и еще болѣе ослабило ихъ въ неравной борьбѣ за свой родной, прадѣдный, очагъ.

Пользуясь этими неблагопріятными условіями, враги русскаго дѣла набросились, со всею свирѣпостію, на этотъ беззащитный клочекъ нашей земли, чтобы его поглотить вконецъ. Многовѣковая борьба Руси съ Польшею закипѣла съ новою силою. Но въ настоящее время она вступила въ самый острый періодъ своего напряженія. И это, можемъ смѣло сказать, не только по ту сторону рубежа, но даже и по эту, вообще. Очевидно, непримиримые враги поставили все на ставку, пустили въ ходъ всѣ свои, испытанныя исторіею, средства: интригу, обманъ, лесть, насилье, подкупы и т. п. козни, которыми столь богата ихъ исторія. Очевидно, они рѣшили, во что бы то ни стало, погубить окончательно эту частичку Руси, въ оторванномъ отъ насъ клочкѣ. Мы же рѣшили, во что бы то ни стало—*отстоять* ее!..

III.

Значеніе Прикарпатья.

Но чтобы работа наша, въ этомъ дѣлѣ, была успѣшнѣе и тѣмъ сильнѣе приводила насъ къ сознанію цѣли, намъ нужно, прежде всего, привести себѣ въ ясность, и рѣшить два вопроса:

Первый вопросъ: ***Что̀ такое Прикарпатская Русь, сама по себѣ, и въ русской исторіи?***

Второй вопросъ: ***Какое значеніе имѣетъ она для Россіи, вообще, а для русскаго Православія, въ особенности?***

Говоря другими словами, намъ нужно, прежде всего, привести себѣ въ ясное сознаніе: что̀ мы *выиграемъ* отъ того, если мы ее защитимъ? И съ другой стороны: что̀ мы *потеряемъ* черезъ то, если мы ее предоставимъ ея собственной судьбѣ? А то, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, она не представляетъ никакого интереса для Россіи, а тогда, конечно, она и не сто̀итъ всѣхъ этихъ хлопотъ, и тогда, пожалуй, предоставленіе ея ея собственной судьбѣ, и въ самомъ дѣлѣ, находило бы себѣ нѣкоторое оправданіе. Даже, еслибы можно задобрить свирѣпаго волка, гонящагося за нами, и настигающаго насъ, выбросивъ изъ санокъ собственнаго ребенка, то и въ такомъ случаѣ былъ бы въ этомъ еще, по крайней мѣрѣ, если не нравственный, то прак-

тическій смыслъ. Но такъ-ли это? Постараемся отвѣтить на эти два вопроса.

I. Что такое Прикарпатская Русь, сама по себѣ, и въ русской исторіи?

Прикарпатская Русь—часть самой подлинной, исторической, исконной, Руси, какова и Русь—Кіевская, Владимірская, Новгородская и др. Это древняя Червонная Русь. Это та Русь, о которой писалъ великій лѣтописецъ Несторъ. Слѣдовательно, она старше Москвы. Это та Русь, на которую, когда-то грозный, Галичъ (нынѣ, благодаря Польши, ничтожный жидовскій посадъ), въ грозныя времена Батыя, матушка Москва и единственно обращала свои взоры съ надеждою спасенія, и предъ которымъ однимъ трепеталъ гордый покоритель изъ степей необузданныхъ сыновъ Средней Азіи. Она, эта именно Русь, приняла свое крещеніе безпосредственно изъ самого источника, изъ Кіева, изъ рукъ самого Владиміра, великаго нашего крестителя. Онъ своей святой стопой избороздилъ ее всю вдоль и впоперекъ, гоняясь за лютыми Ляхами, уже тогда врывавшимися, голодными стаями, въ ея жирныя, „молокомъ и медомъ текущія“ земли. Она все время жила общею русскою жизнью, принимала дѣятельное участье во всѣхъ добрыхъ и злыхъ судьбахъ, и во всѣхъ переворотахъ, какіе происходили по всему лицу русской земли. Она принимала участье въ великой драмѣ освобожденія Руси отъ татарскаго ига на Куликовомъ полѣ. Она давала Руси великихъ дѣятелей, каковъ нпр. св. Петръ, митрополитъ Кіевскій, сподвижникъ Великаго Князя Московскаго, Ивана Калиты. И даже до послѣдняго времени она доставляла безпрерывный рядъ

дѣльныхъ людей и патріотовъ для народнаго и государственнаго дѣла. И русскіе государи, въ свою очередь, всегда живо интересовались судьбами этой области, уже послѣ присоединенія ея къ Польшѣ, вплоть до Петра Перваго, который нѣсколько разъ посѣщалъ эту страну, оказывалъ ей разныя милости, заботился о ея монастыряхъ, заступался за православныхъ, то предъ польскимъ королемъ, то предъ папою, угрожая даже, что, если-де православнымъ не будетъ дана полная свобода исповѣданія своей вѣры, то онъ „въ возмездіе, запретитъ духовнымъ латинскаго закона отправлять въ Россіи свое богослуженіе“ (къ папѣ) *); или „если же паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію, удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія“ (къ королю) и т. п. *). Словомъ, **русскіе государи сознавали всегда глубоко, что это земля—земля русская православная, и что она—достояніе ихъ отцевъ, и слѣдовательно, ихъ наслѣдье.** Но и народъ сознавалъ свою кровную принадлежность къ остальной Руси и ея государямъ. Онъ молился за Царя и за всю Россію. Даже такой Шумлянскій, епископъ Львовскій, приверженецъ уніи, однако въ душѣ все-же русскій патріотъ, служилъ въ соборной церкви, въ Львовѣ, публично и торжественно, богослуженіе „за царей, за вселенскихъ и московскаго патріарховъ, за царскую палату“ .., въ присутствіи царскаго резидента Михайлова **). Имена русскихъ

---

*) О. А. Мончаловскій: «Петръ Великій въ Галицкой Руси», Львовъ, 1903, стр. 30—31.

**) Тамъ же, стр. 12.

государей, московскихъ патріарховъ, бояръ и др. записывались въ сvнодики на вѣчное поминовеніе, и т. п. И это все почти вплоть до паденія Польши. И только стѣхпоръ, когда власть въ Россіи захватили Нѣмцы, въ Прикарпатьѣ же опять австрійскіе Нѣмцы, только тогда это природное общеніе было пресѣчено дотого, что вскорѣ, послѣ этого, въ той и другой части Руси, объ остальной Руси столько-же было извѣстно, сколько, въ то время, извѣстно было о Бурахъ и объ отдаленной Абиссиніи. Но Нѣмцы, пресѣкая кровныя узы Руси съ Русью, постарались, вмѣсто того, завязать крѣпкіе узы: съ одной стороны, Россіи съ Германіей и съ Австріей, съ другой же стороны, Австріи—съ русскимъ Прикарпатьемъ, чтобы, превращая, такимъ образомъ, нашу Русь въ своего рода резервъ для себя, пользоваться ея силами и направлять таковыя къ созиданію своихъ австрійскихъ и прусскихъ фатерландовъ.

Изъ этого выходитъ, что было бы въ высшей степени несправедливо и даже преступно, оставить эту нашу подлинную Русь на произволъ ея судьбы, въ минуту, когда она такъ сильно заявляетъ о себѣ, и когда злой врагъ собирается нанести ей послѣдній ударъ. Конечно, мы не спросимъ: „что̀ скажетъ на это Европа"?.. Убить Русь Русью, на это Европа, конечно, ничего не „скажетъ", но только много себѣ подумаетъ. Но мы спросимъ: что̀ сказала бы на это русская исторія, пролившая столько крови за каждый клочекъ той-же русской земли? Да и Европа-то сама записываетъ себѣ, молча, съ ироническою улыбкою на устахъ, хотя нѣкоторые эпизоды изъ тяжкой борьбы этихъ неутомимыхъ Галичанъ съ Поляками, какъ это

видѣли мы нпр. въ декабрѣ мѣсяцѣ, 1901 года, когда въ Берлинскомъ парламентѣ раздались впервые голоса Нѣмцевъ, будто враговъ Славянъ, въ защиту тѣхъ-же Галичанъ противъ Поляковъ. Между-тѣмъ мы всегда молчали и молчимъ, и скорѣе подымаемъ голосъ въ защиту самихъ-же Поляковъ, нпр. Познанскихъ, и знать того не желая, что первый и самый главный врагъ Руси, всегда былъ и всегда будетъ—не Нѣмецъ, а— „Ляхъ"!..

Въ Россіи, въ защиту нашей-же Прикарпатской Руси, не раздался еще ни одинъ сильный голосъ!.. Въ Кишиневѣ нпр. поколотили двухъ-трехъ Евреевъ-зачинщиковъ,—весь міръ заоралъ, даже въ Россіи шуму надѣлали; но въ Галичинѣ Поляки убили десятокъ, а ранили полъ сотни русскихъ людей, во время парламентскихъ выборовъ, и то Европа ничего не говорила, и даже въ Россіи никто и слова не пикнулъ!

Это вѣчное наше проклятье, что мы всегда заступаемся за чужихъ, но только за самихъ себя— никогда. И чѣмъ болѣе кто намъ врагъ, тѣмъ болѣе у насъ для него симпатіи.

Мы собрали столько чужихъ земель вокругъ себя, а своей собственной земли собрать не можемъ. Мы рвемся, куда-то, за моря, за горы, „спасать" чужіе народы, а своего собственнаго народа, тутъ-же рядомъ съ нами живущаго отъ созданія міра, въ нашихъ ногахъ издыхающаго отъ изнеможенія и истощенія силъ въ безпрерывной, многовѣковой, борьбѣ, мы спасти не можемъ или же не хотимъ. Кто-же мы таковы, и чего-же мы стòимъ, послѣ этого? И не вправѣ-ли европейцы, даже Турки, послѣ этого, бросить намъ въ лицо:

„Иныя спасе, себе же не можетъ спасти“. Чего вы, дескать, отъ насъ хотите? Идите прежде въ Карпаты спасать своихъ-же Русскихъ, а тогда только пожалуйте къ намъ, въ Турцію, спасать болѣе далекихъ вамъ, и болѣе отдаленныхъ отъ васъ, Славянъ... И «какъ кто можетъ управлять чужимъ домомъ, если онъ своего собственнаго устроить не знаетъ?»—вправѣ опять-таки сказать намъ сами-же Славяне. Спасаемъ Сербовъ, Болгаръ, Румынъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Австрію..., а своя Русь лежитъ, словно, прибитая гвоздями, поругаемая и попираемая всякимъ пройдохой!.. Да что̀ намъ Македонцы, что̀ всѣ Славяне, послѣ этого?... Неужели мы не чувствуемъ въ себѣ никакой народностной чести? Какой другой европейскій народъ поступилъ бы такъ какъ мы? Даже самый ничтожный, если не въ силахъ, дѣломъ, то хотя протестомъ заступился бы за своихъ земляковъ. Да еще тутъ-же, подъ нашимъ бокомъ, въ безпосредственной тѣни нашего русскаго дуба. Мы ихъ „осѣняемъ“—да! Но только слишкомъ ужъ густою тѣнью, въ которой они, словно, замерзаютъ, не видя никогда солнца.

Но пускай никто не думаетъ, что у насъ здѣсь на мысли, положимъ, крестовый походъ противъ Австріи. Предательское оружье! Мы видимъ, что мы даже и будучи побѣдителями, на дѣлѣ, выходимъ всегда какъ побѣжденные. Мы побѣждаемъ, другой забираетъ. Нынѣ времена такія, что не штыкъ управляетъ міромъ, какъ когда-то, а перо. Штыкъ побѣдилъ, а перо забрало. Поэтому, не войну проповѣдуемъ мы здѣсь, но мы требуемъ только поддержки нашихъ братьевъ: намъ нужно вникать во всѣ ихъ мелочи, въ ихъ

жизнь, и быть ихъ сильнымъ заступникомъ и оплотомъ, а дѣло устроится само. Словомъ, намъ нужно имъ помочь, и помочь, не штыкомъ, а— **умомъ!...** Иначе мы покажемся недостойными нашихъ отцевъ, и подвергнемся осужденію на всѣ времена. И безъ того не знаемъ, какъ извиниться намъ предъ исторіей, и какъ задобрить сердитую Судьбу, въ виду того, какого-то, непонятнаго оцѣпѣненія, въ которомъ мы коснѣемъ столько вѣковъ, смотря равнодушно, какъ закалываютъ родныхъ намъ братьевъ, какъ безмолвныхъ агнцевъ, а въ тоже время спасаемъ чужихъ. Сохрани Богъ, чтобы это не отомстилось, и не отразилось на насъ сторицею, какъ нынѣ на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе такого-же нерадѣнія.

Таково историческое значеніе Прикарпатской Руси, и самой по себѣ.

Приступимъ теперь ко второму вопросу.

II. Какое значеніе имѣетъ русское Прикарпатье для Россіи вообще, а для ея Православія въ особенности?

Значеніе каждой вещи опредѣляется только тогда въ ея совокупности, если мы ее разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ, т. е. со стороны *пользы* и *вреда*, какіе она приноситъ, или можетъ принести, для насъ. Такъ поступимъ мы и въ предлежащемъ случаѣ, и представимъ значеніе русскаго Прикарпатья для Россіи, прежде всего, со стороны его пользы.

А) **Польза** *для Россіи и ея Православія отъ русскаго Прикарпатья.*

Прикарпатская Русь приноситъ чрезвычайно великую пользу Россіи уже однимъ своимъ существованіемъ. И если отвѣтить коротко на вопросъ:

„каково ея значеніе для Россіи?"—то мы скажемъ, что она имѣетъ для Россіи значеніе—**крѣпости!**

Это наша настоящая русская прикарпатская крѣпость, это наша пограничная твердыня, это сторожевой полкъ Россіи, расчищающій, впереди насъ, почву, или закрывающій намъ тылъ—какъ кто понимаетъ,—въ нашемъ стихійномъ шествіи къ исполненію великихъ задачъ міра. Это, наконецъ — скажемъ рѣшительно — сильный оплотъ Православія южныхъ областей Россіи. Это плотина, въ которую упирается все темное море римскаго католичества, со стороны юга, пѣнясь и бурясь, въ досадѣ, что изъ-за него оно не можетъ, съ надлежащею силою, прорваться и ворваться въ пространныя сѣверныя области Православія.

Это и есть, коротко говоря, настоящее значеніе русскаго Прикарпатья для Россіи! Но какъ это понять? Постараемся объяснить это подробнѣе.

Есть силы, которыя, покуда онѣ въ скромности исполняютъ свою работу, исправно, безъ шума и треска, дотѣхпоръ никто не обращаетъ на нихъ вниманія, и дотѣхпоръ онѣ остаются незамѣченными, нерѣдко даже въ пренебреженіи. Но коль скоро, вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго случая, нпр., по невнимательности, эта сила перестала дѣйствовать, и этимъ нарушенъ весь ходъ машины, тогда только мы замѣчаемъ эти силы, и тогда только мы оцѣниваемъ ихъ значеніе по достоинству: начинаемъ раскаиваться, рады бы дѣло поправить, а это потому что этой силы уже болѣе нѣтъ, и мы страдаемъ отъ ея недостатка. Кто, нпр., обращалъ когда-либо вниманіе на тотъ скромный и тихій лѣсъ, который, вверху горы стоя, удерживаетъ тучи, покровительствуетъ

влагѣ, разрѣшаетъ облака въ благодатный дождь, защищаетъ источники, которыхъ ручьи соединяются внизу въ потоки, еще ниже, въ рѣки, наполняютъ ихъ водами, по которымъ суда, какъ водныя птицы, весело и свободно снуютъ въ ту и въ другую сторону, вслѣдствіе чего населеніе богатѣетъ, всего вдоволь, всѣ сыты, и благодать Божья вездѣ?.. Но лѣсъ срубленъ!—И что-же? Тучи разразились молніями, уже не надъ лѣсами, а надъ деревнями, сжигаютъ дома, убиваютъ скотъ, людей... Дожди избѣгаютъ эту пустую страну: вмѣсто нихъ—засухи, почва превращается въ летучій песокъ, источники исчезаютъ, потоки высыхаютъ, рѣки мелѣютъ, судоходство прекращается..., вмѣсто зажиточности, вездѣ появляется бѣдность, голодъ, оттого болѣзни и т. д. Только тогда мы начинаемъ изыскивать причину: почему вдругъ такая печальная перемѣна въ странѣ? И находимъ, къ нашему огорченію, что это отъ того, что наши горы, когда-то, шумѣвшія обильными лѣсами, нынѣ свѣтятся песчаными кряжами, да нагими утесами своихъ скалъ; что мы ихъ ограбили, побуравили, содрали съ нихъ одежду... Теперь-то мы и знаемъ хорошо цѣну благодатныхъ лѣсовъ и ихъ значеніе, но и потому что ихъ тамъ уже болѣе нѣтъ, и дѣло непоправимо. И давай раскаиваться, но уже поздно...

Точно такое-же значеніе имѣетъ и наша родная Прикарпатская Русь, во внутреннемъ политическомъ хозяйствѣ Россіи. Мы ее пока еще не замѣчаемъ нынѣ, когда она еще жива и исполняетъ добро совѣстно и тихо свою трудную задачу въ исторіи. И этимъ она даетъ возможность существованію въ югозападной Россіи такого порядка вещей, на какой мы нынѣ привыкли смотрѣть, и

думаемъ, что такъ обязательно должно быть, а не иначе. Нѣтъ! Это благодаря лишь тому, что Карпатскія горы усѣяны еще благодатнымъ русскимъ живымъ лѣсомъ, и что этотъ лѣсъ еще не совсѣмъ вырубленъ. Еще онъ настолько силенъ, что задерживаетъ еще надвигающіяся съ юга черныя тучи дыма, выходящія изъ коварныхъ кузницъ римско-іезуитскаго Молоха, и заставляетъ ихъ, волей-неволей, разражаться въ молніи и осаживаться толстыми слоями копоти, здѣсь-же, на этихъ лѣсахъ, гдѣ это еще не столь вредно для общаго блага всей великой Руси. Оттого галицкій лѣсъ, правда, сильно „засоренъ" копотью, но извѣстно, что и храбрый полкъ, въ пылу сраженія, хвалится закопченнымъ и загорѣлымъ лицомъ своихъ воиновъ. Такъ и галицкій полкъ. Онъ не выходитъ никогда изъ сраженія, стоитъ твердо и, исполняя добросовѣстно свою трудную задачу, воспринимаетъ всѣ удары на себя одного, чтобы защитить остальную армію, въ тылу его стоящую. Вслѣдствіе того, эти черныя роковыя тучи не могутъ еще, во всей своей силѣ, прорваться и засорить толстымъ слоемъ копоти пространныя поля чистаго Православія...

Но допустимъ, что этотъ защитительный галицкій лѣсъ вырубленъ, что онъ, такимъ образомъ, пересталъ исполнять свою охранительную задачу на границѣ, и черныя тучи римскаго іезуитизма, минувъ благополучно вершины голыхъ горъ, ворвались, наконецъ, въ столь для нихъ вожделѣнные предѣлы пространныхъ и открытыхъ полей и, скажемъ, сердецъ Православія. Тутъ онѣ разразились всѣмъ запасомъ давно накопленной копоти своихъ козней, съ которыми тамъ справиться не-

кому, такъ-какъ къ этому никто тамъ не подготовленъ, ни у кого опыта нѣтъ,—и почва Православія вдругъ заколебалась... Тогда... тогда только и сказалось бы воочію: какую великую задачу исполняла, и какое непосильное бремя несла на своихъ плечахъ, столько вѣковъ, бывшая, когда-то, и столь нами пренебрегаемая, эта бѣдная, такъ называвшая себя, Прикарпатская Русь. Но тогда, какое же раскаяніе возьметъ насъ, какая досада! Да и какой стыдъ пришелъ бы на насъ, что мы, спасая и поддерживая всѣхъ и всякаго, не спасли и не поддержали только того, кто самъ былъ нашимъ долголѣтнимъ спасителемъ и защищалъ насъ столько времени, самъ не сознавая этого!.. Но только тогда—не будетъ-ли это уже поздно?..

Но нынѣ еще время! Еще время!—говоримъ. Нынѣ еще все можно сдѣлать. Еще благодатный русскій лѣсъ на Карпатскихъ горахъ, правда, кряхтитъ, скрипитъ, трещитъ, ломается отъ бури, обламывается подъ тяжестью копоти, но всеже еще стоитъ и, шумя зловѣщимъ воплемъ, зоветъ себѣ помощи. Нынѣ еще судьба нашей крѣпости всецѣло въ нашихъ рукахъ. Еще она не сдалась, и еще отъ насъ зависитъ: быть или не быть этой крѣпости, и впредь, въ нашихъ рукахъ? Нечего намъ величаться: мы, дескать, слишкомъ большіе и слишкомъ сильны, чтобы нуждаться въ помощи такой мелочной единицы. Мы оставимъ въ сторонѣ схоластическую Эзопову мышь, спасшую льва, но мы не знаемъ еще: къ какой цѣли Господь допустилъ отдѣленіе этой частицы нашей земли отъ ея цѣлаго? Еще мы не знаемъ: какую роль суждено сыграть въ русской исторіи, вообще, и въ исторіи русскаго Православія этому презрѣнному объуня-

3*

ченному колѣну прикарпатскаго Веніамина, стоящему посерединѣ между Православіемъ и католичествомъ? Быть-ли ему дѣйствительно роковымъ орудьемъ, въ рукахъ Рима, для разбитья стѣны Православной крѣпости? Или же превратиться ему въ ядро для разбитья стѣны римской-же крѣпости, очищая путь Православію? Это еще вопросъ, но рѣшеніе его зависитъ вполнѣ отъ насъ. Извѣстно же, что „камень, егоже небрегоша зыждущіи, сей бысть во главу угла", Подчеркиваемъ, въ этой странѣ есть нѣкоторые положительные задатки, которыхъ не существуетъ во всей остальной Руси. Не забудемъ, что лишь эта одна и единственная часть Руси прошла вся сквозь огонь и воду европейской цивилизаціи, и—погибла въ ней! И нынѣ возрождается юнымъ финиксомъ, и спасается при помощи только тѣхъ якорей, которыхъ не знаетъ европейская цивилизація, и которые завѣщали имъ отцы, еще раньше цивилизаціи, и которые тамъ нынѣ съ трудомъ откапываютъ въ давно травою заросшихъ курганахъ. Не образчикъ-ли это, миніатюрный, того что̀ ожидаетъ и всю Россію, если она будетъ продолжать рваться наобъумъ въ эту роковую страну Запада, откуда сырой вѣтеръ гонитъ только постоянно холодныя стаи темныхъ тучъ, дождя и—козней?..

Нужно, прежде всего, знать, что вся долгая шестивѣковая борьба Руси съ Польшею, а посредствомъ этой, съ Европою, у подножья Карпатъ, это—*борьба изъ-за обладанія этой крѣпостію!* Въ чьихъ рукахъ будетъ эта крѣпость, въ того рукахъ будетъ ключъ въ Россію, тотъ будетъ хозяинъ всей южной полосы Россіи. А въ чьихъ рукахъ будетъ южная Россія, тотъ будетъ хозяиномъ и всей сѣ-

верной полосы Россіи, а слѣдовательно, тотъ будетъ хозяиномъ и обладателемъ всей Россіи, такъ-какъ Прикарпатье, это—**ключъ въ Россію**!..

Да, Прикарпатье, это ключъ въ Россію, повторяемъ, и ключъ во всѣхъ отношеніяхъ: въ стратегическомъ, политическомъ и вѣроисповѣдномъ. Стратегическимъ ключемъ дѣлаетъ его, какъ извѣстно, его—*топографическое* положеніе, политическимъ же его—*русское* населеніе, а вѣроисповѣднымъ—*православный* обрядъ этого населенія. Такимъ образомъ, государство, въ рукахъ котораго находится эта область, такъ-сказать, держитъ уже какъ-будто, за одинъ конецъ Россію съ ея Православіемъ. И ему довольно, такъ или иначе, только привить этому населенію какую-либо идею, враждебную Россіи, какъ нпр. католичество, украинофильство, и эта вредная идея, разъ она впустила корни въ средѣ того-же населенія, перейдетъ легко и незамѣтно, какъ расколъ, къ такому-же населенію по ту сторону границы, и такимъ образомъ, войдетъ въ предѣлы Россіи, сама собой, чего мы, отчасти, были свидѣтелями въ нынѣшнее время смутъ и безпорядковъ на югѣ Россіи, которые всѣ имѣли и имѣютъ свой источникъ въ извѣстныхъ намъ притонахъ тогоже Прикарпатья, а чего всего никогда не случилось бы, еслибы южною границею Россіи была этнографическая черта русскаго населенія у южнаго подножья Карпатъ, включающая все русское племя въ предѣлы нашего русскаго государства,—а не произвольная черта, разсѣкающая на двѣ части населеніе одной и той-же народности, отдающая одну изъ нихъ въ руки совсѣмъ другого государства. Этотъ клочекъ будетъ, въ рукахъ коварнаго сосѣда, всегда подвиж-

нымъ рычагомъ для вызванія разныхъ броженій въ сосѣдней части населенія тогоже народа, будетъ всегда роковымъ клиномъ для произведенія разнаго рода расколовъ и другихъ смутъ. Такимъ образомъ, наше долголѣтнее нерадѣніе о русскомъ Прикарпатьѣ начинаетъ уже нынѣ падать тяжелымъ камнемъ на наши шеи. А что̀ будетъ дальше? Исторія сама мститъ за себя.

Но между-тѣмъ какъ мы, словно, заколдованные, даже до нынѣшняго дня не можемъ еще догадаться до значенія великаго смысла этой загадки, до великаго значенія этого таинственнаго ключа въ нѣдра Россіи, наши враги сумѣли уже давно додуматься до него, и оцѣнить его значеніе. Они въ своихъ дальновидныхъ и далекоидущихъ планахъ, дорожатъ чрезвычайно, именно тѣмъ, что эта страна населена, не другимъ, какимъ-либо, а только русскимъ народомъ, и именно тѣмъ, что этотъ народъ, не другого, какого-либо, а только русскаго православнаго обряда. Это соотвѣтствуетъ вполнѣ ихъ намѣреніямъ, ихъ скрытымъ планамъ и окончательной цѣли всѣхъ ихъ козней. А цѣль ихъ именно та: **чтобы посредствомъ русской народности, этой части русскаго народа, воздѣйствовать на весь русскій народъ Россіи, и посредствомъ православнаго обряда его Церкви, воздѣйствовать на все Православіе великой Россіи!..** И такимъ образомъ, сдѣлать себѣ, изъ этого отрѣзаннаго клочка Россіи или Руси, превосходное орудье для пропаганды своихъ идей въ средѣ всего русскаго народа, изъ тогоже матеріала вырѣзать себѣ самый подходящій клинъ для вызванія раскола въ лонѣ тогоже, сильнаго досихпоръ своимъ вѣроисповѣднымъ и народностнымъ едини-

ствомъ, народа. Это вполнѣ сходно съ древнимъ, языческимъ, Цезаревымъ принципомъ:—„Divide et impera“! Папы, именно, какъ преемники Цезарей, Нероновъ и Діоклитіановъ, переняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ, и этотъ свирѣпый и предательскій принципъ, благодаря которому Цезарь покорилъ Галлію. Прежде раздѣлить противника на два стана, прикинуться другомъ и покровителемъ одного изъ нихъ, именно того, кто сильнѣе, а затѣмъ бросить того на другого, пусть другъ друга истребляютъ, и въ концѣ концовъ, измѣняя тому и другому, повелѣвать надъ тѣмъ и другимъ. Этимъ Поляки, какъ усердные ученики Лойолы, сумѣли тоже воспользоваться, въ свое время, и примѣнить спеціально въ своей борьбѣ съ русскимъ народомъ. Они дали ему форму: „Puścić Rusina na Rusina“, т. е. пустить, бросить, Русскаго на Русскаго, пусть сами другъ друга побиваютъ. Они такъ дѣлали во времена Лжедимитріи, такъ дѣлали во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Малорусью, такъ дѣлали въ весь періодъ своихъ лжеуній, политическихъ и церковныхъ, такъ они, наконецъ, дѣлаютъ и нынѣ еще, по ту и по эту сторону границы. Но замѣчательно, что при всемъ этомъ Польша всетаки погибла. Могутъ погибнуть еще и Поляки, какъ народность. Они уже и погибаютъ нынѣ въ Познани. „Кто подъ другимъ яму роетъ, самъ въ нее ввалится“, сказалось во всемъ объемѣ на Польшѣ. Можетъ сказаться нынѣ еще и на Полякахъ... Этотъ принципъ, наконецъ, и самое любимѣйшее мечтаніе всѣхъ папъ—привлечь весь русскій народъ въ католичество, посредствомъ русскихъ же уніатовъ. „O mei Rutheni,—воскликнулъ съ радостію папа Урванъ VIII—per vos ego Orientem, spero, convertendum!“—когда первая петля лжеуніи

была наброшена на шею несчастной Западной Руси...

Это, какъ говоримъ, главная цѣль всѣхъ ихъ стремленій и вожделѣній! Но чтобы это избранное ими орудье, этотъ ловко придуманный ими клинъ, сдѣлать способнымъ къ достиженію этой главной цѣли, они поставили себѣ ближайщею своею цѣлью— *приспособить* къ этому это орудье такимъ образомъ: **чтобы переродить и перевоспитать все русское, православное и православнаго обряда населеніе всего Прикарпатья—Галичины, Буковины, и Закарпатской Руси—на основаніи польско-іезуитскаго католичества, т. е. ненавистничества къ Россіи; чтобы сдѣлать себѣ изъ него такихъ-же слѣпо преданныхъ себѣ, и ненавидящихъ Россіи и ея Православія „упорствующихъ“, каковы нынѣ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, на Подлясьѣ; и такимъ образомъ, эту страну превратить себѣ въ самую надежную и самую сильную крѣпость, и въ самый подходящій „операціонный базисъ“ при всѣхь своихъ походахъ противъ Православія Россіи.**

Слѣдовательно, ближайшая ихъ цѣль—влить въ русское населеніе этой страны:

а) Ненависть къ Православію.

б) Ненависть къ Самодержавію и

в) Ненависть къ самой-же Россіи и ко всему русскому строю жизни. А напротивъ, всему этому противопоставить:

а) Православію—католическую унію.

б) Самодержавію — конституціональный полуанархизмъ, вродѣ нынѣшнихъ галицко-польскихъ, комическихъ, конституцій. Наконецъ —

в) Россіи—сепаратистическое украинофильство въ южной полосѣ Россіи; русской же культурѣ—

безтолковое раболѣпье и благоговѣніе предъ западноевропейскимъ строемъ жизни, чтобы скорѣе сдѣлать ее жертвою послѣдней.

И тогда уже, когда это орудье будетъ уже готово и передѣлано, когда вся Прикарпатская Русь будетъ, такимъ образомъ, уже совсѣмъ перерождена и перевоспитана на этихъ началахъ, тогда и пора, наконецъ, бросить ее клиномъ и злою закваскою противъ Россіи, бросить ядовитыми скорпіями и змѣями противъ остальной Руси, и въ концѣ концовъ, восторжествовавъ надъ той и другой, привести ту и другую въ послушаніе Риму и въ рабство Европы...

Вотъ какія вещи готовятся тамъ для насъ въ недалекомъ будущемъ!

Въ этой цѣли дѣйствуютъ всѣ ихъ махины уже давно. Но нынѣ взялись они за дѣло съ особенною энергіею, съ умѣніемъ и съ особеннымъ подъемомъ духа, благодаря предупредительности, съ какою, въ послѣдніе годы, русское „православное" правительство идетъ навстрѣчу всѣхъ ихъ начинаній. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что, благодаря всѣмъ этимъ уступкамъ послѣднихъ временъ, католики уже и не сомнѣваются въ томъ, что уже недалеко то время, когда вся Православная Россія, воглавѣ со своимъ Православнымъ Царемъ, прибудетъ на богомолье въ Римъ, и поклонится въ ноги папы, прося себѣ, „въ смиреніи и раскаяніи" принятія въ католичество, на подобіе того, какъ, когда-то, ихъ отцы просили себѣ Православія въ Цареградѣ. Это для нихъ только вопросъ неотдаленнаго времени. Дѣло въ главномъ уже „рѣшено" и только требуетъ еще улаженія нѣкоторыхъ формальностей. Поэтому-то нынѣ іезуиты натянули

всѣ пружины, сдвинули всѣ свои силы, пустили въ ходъ всю свою крамолу, чтобы непремѣнно заставить Государя—Православнаго Царя отправиться въ Римъ. Такъ-какъ они втайнѣ уже условились, что, разъ это случится, они тотчасъ пустятъ смуту въ русскій народъ, что, дескать, Царь Православный „измѣнилъ“ Православію, такъ-какъ онъ нашелъ католичество лучшимъ, и для того-то онъ и прибылъ въ Римъ, чтобы поклониться папѣ и принять лично отъ него католичество. И пойдетъ крамола по всей Руси! И кто въ состояніи будетъ разубѣдить народъ, что это неправда?.. И безъ того польскіе ксендзы истолковываютъ всякій шагъ Государя, по отношенію къ католикамъ, въ видѣ „симпатіи“ къ католичеству и т. п. *) А въ Польшѣ послѣдній мужикъ убѣжденъ до зарѣзу, что русскій Государь потому побѣждаетъ во всѣхъ войнахъ, что предъ начатіемъ войны онъ всякій разъ испрашиваетъ себѣ благословенія у „паперже“.

Имѣя все это въ виду, враги русскаго дѣла и Православія взялись нынѣ особенно сильно за эту бѣдную прикарпатскую страну, драгоцѣннѣйшій рычагъ своей будущей дѣятельности въ Россіи, чтобы усовершенствовать всесторонне это избранное свое орудье, этотъ свой избранный сосудъ, и приготовить его для исполненія великой задачи. Для этого они составили себѣ подробный и систематическій планъ.

Митрополитъ Львовскій, гр. Андрей Шептыцкій, былъ уже, съ самого дѣтства, предусмотрѣнъ

---

*) См. брошюру И. П. Корнилова: «Безнаказанность польско-католической пропаганды въ коренныхъ губерніяхъ Россіи, Спб. 1901. (Перепечатка изъ „Церк. Вѣстника“).

орудьемъ для совершенія предварительныхъ работъ при исполненіи намѣченнаго, великаго, плана. Хотя самъ потомокъ знатнаго древнерусскаго рода, но уже давно измѣнившаго Православію и русской народности, онъ нынѣ, уже какъ Полякъ, отдался всецѣло въ распоряженіе іезуитовъ—сыграть презрѣнную роль топора въ рукахъ палача надъ собственнымъ несчастнымъ народомъ и надъ собственною своею Вѣрою, Вѣрою своихъ отцевъ. Еще будучи юношей, онъ затѣялъ измѣну. Въ этой цѣли онъ отправляется въ іезуитскую коллегію, а когда кончилъ полный курсъ ученія, и вышелъ настоящимъ іезуитомъ, онъ, какъ свѣтскій графъ и католикъ, вдругъ вторично измѣняетъ христіанскому обряду, принимаетъ уніатство, вступаетъ монахомъ въ уніатскій базиліанскій орденъ, а все въ той затаенной, коварной, цѣли, чтобы, современемъ, сдѣлаться іерархомъ, стать митрополитомъ воглавѣ Галицкорусской Церкви, чтобы, впослѣдствіи, нафанатизировать ее іезуитствомъ, затѣмъ бросить ее на ея свободную еще сестрицу, Россію, а наконецъ, когда она сыграла уже свою службу, и болѣе не нужна—пихнуть ножъ въ ея собственное сердце и въ сердце ея сестрицы. Правда, далеко идущій планъ, однако извѣстно, что іезуиты ни предъ чѣмъ не останавливаются, а если и не всегда достигаютъ цѣли, то всегда много напакостятъ. Словомъ, митрополитъ Шептыцкій соединяетъ въ себѣ всѣ черты настоящаго іезуита. Онъ напоминаетъ собою, въ нѣкоторомъ отношеніи, своего, когда-то, предшественника, епископа Львовскаго, Шумлянскаго, съ тою лишь разницею: что Шумлянскій дѣлалъ по двоедушію,—то нынѣшній Шептыцкій дѣлаетъ сознательно, по строго обду-

манному, iезуитами, плану. Первый, какъ настоящiй русскiй человѣкъ, былъ, впрочемъ, патрiотъ, а колебался только въ Вѣрѣ; послѣднiй же хитеръ: и Церкви и народности замышляетъ измѣну. Первый привелъ Православiе въ унiю, — послѣднiй уже и унiю замышляетъ привести въ латинство. Это типъ настоящаго Конрада Валленрода, излюбленнаго Поляками героя, ихъ „поэта измѣны“, злополучнаго Мицкевича. Это, наконецъ, то что въ Священномъ Писанiи говорится въ подобныхъ случаяхъ: „волкъ въ овечьей шкурѣ“.

Какъ ставленникъ iезуитовъ, имѣя постоянно предъ своими глазами предметъ постоянныхъ ихъ мечтанiй—Россiю, митрополитъ Шептыцкiй, тотчасъ послѣ занятiя имъ своей каѳедры, заявилъ открыто свои симпатiи, не украинофильской партiи, а старорусской, исторической, сторонникамъ Россiи. А это въ трехъ цѣляхъ:

а) Чтобы привлечь старорусcовъ на свою сторону, чтобы овладѣть ихъ довѣрьемъ, и впослѣдствiи, использовать въ пользу католичества ихъ естественную преданность Россiи, имѣя въ виду ихъ, какъ будущихъ пiонеровъ, въ ихъ походѣ противъ русскаго Православiя. Такъ-какъ, въ сущности, онъ, какъ Полякъ—слѣдуетъ предполагать — ненавидитъ такъ-же „Москаля“, какъ и всякiй другой его соотечественникъ, слѣдовательно, и къ „московствующей“ партiи старорусcовъ онъ, въ сущности, никакой симпатiи имѣть не можетъ. Словомъ, въ своей будущей миссiи, противъ русскаго Православiя, iезуитамъ выгоднѣе имѣть своимъ орудьемъ твердо-русскихъ патрiотовъ, чѣмъ украинствующихъ, не имѣющихъ никакого довѣрья въ средѣ русскаго народа, хотя, впрочемъ, для смуто-

творительныхъ видовъ Поляковъ, послѣдніе предпочтительнѣе имъ. Эти ненавидятъ, правда, Поляка, но ненавидятъ и Москаля, тѣже ненавидятъ только однихъ Поляковъ, Москалю же преданы всей душей. Но Шептыцкій, прежде всего, іезуитъ. Онъ орудье, не мелкихъ польскихъ разсчетовъ, а широкихъ плановъ іезуитизма, и для этой цѣли, онъ, въ свою очередь, ищетъ себѣ орудья, именно въ средѣ преданныхъ Россіи людей, но не ея Православію.

б) Шептыцкій видитъ, что Галацкая Церковь держится, главнымъ образомъ, только этими людьми, и они единственные имѣютъ довѣрье у простого народа, украинствующіе же—духовенство и міряне, вообще, придаютъ малое значеніе Церкви, и не дорожатъ, ни своимъ ни латинскимъ обрядомъ, такъ-какъ они, вообще, и всей Вѣрѣ малое придаютъ значеніе. Поэтому съ ними, и безъ того, поладить можно будетъ легко. Кромѣ того, украинствующая братія не пользуется никакимъ довѣрьемъ въ народѣ. Такъ, видя, что староруссы сильны, Шептыцкій, какъ тонкій іезуитъ, не хочетъ украинствующимъ давать открытаго предпочтенія (хотя, какъ Полякъ, въ душѣ болѣе имъ сочувствуетъ), боясь, такимъ образомъ, возбудить противъ себя, и потерять, главную силу народа. А извѣстно, тактика іезуитовъ—держаться всегда той партіи, которая сильнѣе. Такъ поступаетъ и Шептыцкій. И притворяясь покровителемъ „Твердыхъ“ *), онъ на-

---

*) Въ обыденной жизни, въ Галичинѣ, принято, для краткости, называть староруссовъ—„Твердыми“, украинофиловъ же—«Мягкими», по той причинѣ, что послѣдніе произносятъ окончанія—*цкій* и—*скій*—„мягкимъ“ образомъ:—*цькій* и—*ській*, нпр. руській, нѣмецькій, тогда какъ первые говорятъ подлинно.

дѣется, скорѣе словить ихъ на удочку, и въ концѣ всего, надуть тѣхъ и другихъ.

в) Наконецъ, зачѣмъ митр. Шептыцкомув иступать открытымъ врагомъ противъ Твердыхъ, противъ православнаго ихъ обряда, и такимъ образомъ, разоблачать сразу свои предательскіе планы, и возбуждать противъ себя все населеніе страны,—это тоже не въ обычаѣ у іезуитовъ—когда для этого есть тамъ Поляки, ксендзы и все направленіе политики? Его задача — іезуитская лесть, съ одной стороны, потворство, съ другой, и въ концѣ концевъ, предательство, съ той и другой стороны. Его задача— сидѣть на каѳедрѣ, притворяться другомъ, покровителемъ и единомышленникомъ, чтобы привлекать сердца и расположеніе своихъ овецъ, и такимъ образомъ, ослаблять ихъ въ борьбѣ, и парализировать ихъ сопротивленіе, и въ концѣ, легче покончить съ ними. Такъ ему приказали іезуиты, и подъ этимъ условіемъ поставили его на каѳедру. И ему болѣе и не надо. Это и есть первая цѣль его предварительной работы. А тамъ уже безъ него сдѣлають дѣло другіе? Это, просто, лишь разумное и систематическое распредѣленіе труда для достиженія одной и тойже цѣли. Зачѣмъ-же онъ, спрашиваемъ, не противодѣйствуетъ латинизаціи русскаго обряда, если онъ настоящимъ образомъ и искренне преданъ ему? Вотъ гдѣ и проглядываютъ у Шептыцкаго волчьи зубы изъ беззубой, будто бы овечьей челюсти, и іезуитскіе рожки изъ-подъ православной митры!

Такъ мы видимъ, разорительная работа, въ дѣлѣ уничтоженія Галицкорусской Церкви, вступила въ совсѣмъ новый періодъ. Съ одной стороны, духовное начальство, съ папско-іезуитскою улыбкою, Іуды-

Предателя, будто, „покровительствуетъ“ ей, и „защищаетъ“ ее, а одновременно, съ другой стороны, допускаетъ старую практику—истребленія православнаго обряда, и съ лихорадочностью вводитъ въ русскую Церковь разныя особенности латинскаго костела. Но изъ этого мы видимъ, какъ это тяжело, другой разъ, разобраться нашимъ землякамъ въ этихъ іезуитскихъ сѣтяхъ, и раскусить—кто другъ, а кто врагъ? А если имъ тяжело, имѣющимъ постоянно практику,—каково же намъ, въ Россіи, гдѣ они со всѣмъ скрываются отъ насъ, а мы столь мало обращаемъ на нихъ вниманія?..

И какъ же мы относимся ко всему этому еще и нынѣ?—спросимъ теперь самихъ себя.

Мы, говоря правду, обо всемъ этомъ ничего еще даже и не слышали. Да и зачѣмъ намъ это? Мы привыкли всегда прямо получать ударъ въ лицо, какъ честные люди. А дотѣхпоръ мы имѣемъ обыкновеніе еще и сами, по силамъ нашимъ, помогать врагу, и способствовать во всѣхъ подобнаго рода приготовительныхъ работахъ противъ насъ. Мы очень ужъ „гуманны“, чтобы нападать на врага, когда онъ еще не готовъ. Нужно, прежде, помочь ему вооружиться вполнѣ (хотя бы продажею ему лучшихъ нашихъ лошадей для арміи)—какже! что́ сказала бы на это Европа?—чтобъ, впослѣдствіи, пролить еще болѣе русской крови. И тогда только, когда онъ уже закованъ въ броню, съ головы до ногъ, только тогда мы говоримъ ему, конечно, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ „приличья“: „Иду на тя“!.. А онъ—бацъ! насъ по башкѣ, изъ-за угла, а Европа—въ хохотъ! Вотъ тебѣ и вся „Европа“!..

И вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ европейцы, дружно и энергично возстать, пока еще

время, противъ всѣхъ этихъ предательскихъ затѣй, и насколько можно, наверстать напрасно потерянное время, мы не умѣемъ ничего лучшаго дѣлать, а только, время отъ времени, восклицать своимъ заученнымъ, схоластическимъ, сухимъ и предательскимъ восклицаніемъ: „вѣротерпимость! вѣротерпимость“!.., чтобы, сохрани Богъ, никто не посмѣлъ и пальца поднять противъ всѣхъ этихъ подпольныхъ заговоровъ, въ защиту родного Православія. Не знаемъ, кому скорѣе слѣдовало бы напоминать почаще о „вѣротерпимости“:—намъ-ли или же нпр. католикамъ? Но имъ, конечно, еще никто объ этомъ не напомнилъ.

Однако вся эта гроза къ намъ всетаки еще не доходитъ во всей своей силѣ. А почему? Потому, что у насъ на границѣ стоитъ еще *своя*—прикарпатская крѣпость. Здѣсь-то и сказывается все ея значеніе для Россіи. Вся буря упирается въ грудь этой крѣпости. Она скрипитъ и трещитъ во всѣхъ своихъ суставахъ. Но она всетаки стоитъ и выдерживаетъ пока весь напоръ.

Вѣрные своему призванію наши прикарпатскіе казаки, опытные, привыкшіе къ этого рода пограничной борьбѣ, шестьсотъ лѣтъ уже не снимаютъ съ себя доспѣховъ. Нынѣ, они рванулись еще разъ. Грудью стали противъ груди. Они одерживаютъ даже нѣкоторые успѣхи. Еще крѣпость въ ихъ рукахъ. Еще лѣсъ вверху Карпатскаго хребта шумитъ таинственно, и разгоняетъ надвигающіяся на него черныя тучи. Еще Прикарпатская Русь сама пока справляется съ іезуитами и Конрадами Валленродами, парализуетъ ихъ дѣйствія, и православный ея обрядъ поглощаетъ пока еще всю энергію темныхъ полчищъ римскаго смутотворца на-

родовъ. И эти стоятъ въ недоумѣніи, не знаютъ— какъ обойти эту крѣпость, чтобы подвинуться далѣе къ сѣверу, не подвергая опасности тыла своей арміи. Они боятся оставить позади непріятеля, и придумываютъ способы—какъ-бы превратить его себѣ въ друга и союзника?

Но здѣсь сказывается тоже, во всей силѣ, что это за мощное орудье—обрядъ! Что противъ него не въ состояніи устоять даже догматы! Это въ поученіе тѣмъ нашимъ богословамъ, которые, ища вездѣ лишь „существеннаго", пренебрегаютъ обрядовой стороной Вѣры, тогда-какъ, на практикѣ оказывается, что обрядомъ, который видятъ, болѣе дорожатъ, чѣмъ догматами, которыхъ не видятъ.

Но мы видимъ еще и то, что эта галицкая, будто, „унія", далеко не та унія, какую мы привыкли представлять себѣ, которая, какъ орудье католичества, поражаетъ Православіе, и заводитъ на его мѣсто католичество. Здѣсь мы видимъ, наоборотъ. Здѣсь она—золотое орудье, именно, въ рукахъ Православія, для посрамленія католичества. Это не та унія, которую мы видѣли у себя, въ Россіи, самой благодатной странѣ для пропаганды всякаго иновѣрья, а особенно католичества. Въ такомъ своемъ видѣ, какова она тамъ, она несетъ нашему Православію лучшую службу, чѣмъ, другой разъ, само Православіе. Борьба изъ-за обряда разразилась тамъ во всей силѣ борьбы изъ-за Вѣры. И она одна наноситъ, иногда, бóльшій вредъ Риму, чѣмъ весь государственный механизмъ, другой, „православной", державы.

Не лишнимъ будетъ на этомъ мѣстѣ, при случаѣ, высказать болѣе подробно нѣкоторыя свои соображенія на счетъ этой „уніи". Можемъ-ли мы,

и имѣемъ-ли мы право назвать нынѣшнюю унію въ Галичинѣ, и вообще, бывшую, когда-то, во всей Западной Руси, назвать дѣйствительно и на *законномъ* основаніи „уніей“, и слѣдовательно, ея Церковь—„уніатскою“, такъ, какъ и вообще, была-ли когда-либо дѣйствительно „унія“ на Руси? Это еще вопросъ, и очень большой вопросъ. Что такое, именно, „унія“?—Это „отступленіе“ отъ Православной Вѣры! А можно-ли сказать, что наша Русь „отступила“ когда-либо отъ своей Вѣры? По крайней мѣрѣ, мы ничего подобнаго досихпоръ не знаемъ, а напротивъ, знаемъ, что Русь всегда чрезвычайно твердо хранила свою Вѣру, и — хранитъ. А какъже это случилось? А, просто, такъ, что Римъ, имѣвшій власть въ странѣ, приказалъ, просто, сбросить съ каѳедры православнаго іерарха, а на его мѣсто поставилъ уніата! И доволенъ, что, дескать, вся епархія „присоединилась“ къ католичеству, и съ этого дня стала „уніатскою“!.. Если это такой путь къ присоединенію къ Вѣрѣ, то ничего легче и для насъ, чѣмъ „присоединить“ и всю Польшу къ Православію, и гораздо легче, чѣмъ выкурить крѣпкую папироску. Довольно только сбросить съ каѳедры арцибискупа Попеля въ Варшавѣ, а въ его ризы впихнуть какого-нибудь пристава изъ любого участка, православнаго, хорошаго Русака, и съ того дня мы станемъ считать Польшу тоже „въ уніи“ съ Православіемъ!.. Но мы комедіи въ дѣлахъ Вѣры дѣлать не хотимъ, такъ-какъ это привиллегія только Рима, и мы ему это охотно и впредь предоставимъ. Такую комедію дѣлали, впрочемъ, римскіе миссіонеры и въ Японіи, въ свое время (въ 17-томъ стол.): на идолѣ Будды положили надпись „ІС. ХР.“, на другомъ, какомъ-

то,—„МР. Б.“, на иныхъ опять — имена Святыхъ. И вотъ христіанство въ Японіи уже готово! *) Если это такъ, то въ такомъ случаѣ, нетолько Западная, но и вся Восточная Русь—Московская, была, когда-то, въ такой-же „уніи“ съ Римомъ. Извѣстно, вѣдь, что Митрополитъ Московскій, Исидоръ, принялъ дѣйствительно унію на Флорентійскомъ соборѣ. Ну, онъ же—глава Церкви Восточной Руси! Слѣдовательно, по римской логикѣ, Восточная Русь была тоже въ „уніи“ съ Римомъ!.. Наконецъ, она была въ „уніи“ даже — съ жидовскою церковью!!.. Митрополитъ Московскій, Зосима II, впалъ вѣдь въ „жидовскую“ ересь, и повлекъ за собою даже несчастную Елену Ивановну, дочь царя Ивана Великаго, Васильевича, которая, впослѣдствіи, жизнью поплатилась за это! Вотъ, до чего мы договоримся, наконецъ, при помощи такой логики!.. А всеже этого никто сказать не посмѣетъ, чтобы такъ было. Зачѣмъ-же только при этой бѣдной Западнорусской или нынѣ Галицкой Церкви держаться намъ такой странной логики, и навлекать самимъ на себя позоръ, и на русское имя? Точно такова была и эта потѣшная, западнорусская унія, и нынѣ галицкая. Съ тою только разницею, что въ Восточной Руси изувѣрившіеся іерархи были тотчасъ сброшены съ каѳедры, и дѣло быстро кончилось. Въ Западной же Руси сила была дольшее время на сторонѣ враговъ, такъ и рядъ этихъ уніатскихъ іерарховъ былъ длиннѣе. Но коль скоро сила враговъ была сломана, такъ на каѳедры были поставлены опять православные іерархи, и „унія“ такъ и кончилась

---

*) См. Епископа Николая: «Іезуиты въ Японіи».

незамѣтно, какъ незамѣтно она и, будто, была введена. Въ Галичинѣ сила эта еще несокрушена, такъ тамъ еще и „унія“. Во всемъ этомъ дѣлѣ даже и борьбы особенной не было, да и не могло быть. Какая-жъ тутъ борьба, гдѣ врага, такъ-сказать, даже и не видно? Все осталось какъ было: тоже „Господи помилуй!“ тотъ-же обрядъ, то-же все устройство..., и противъ кого тутъ воевать? Съ кѣмъ собственно бороться? Но это нисколько не значитъ, что народъ „примирился“ съ уніею. Если волкъ надѣнетъ на себя шкуру барана, и воровскимъ образомъ вкрадется въ стадо овецъ, и овцы отъ него не бѣгутъ а слушаются его, то это не значитъ, что онѣ съ волкомъ „примирились“: онѣ думаютъ, что между ними баранъ, и они его слушаются а не волка. И такъ дѣло стоитъ и до нынѣшняго дня. Мы думаемъ, что это такъ ясно, какъ солнце въ полдень на небѣ. Не такъ дѣлается унія въ дѣлахъ Вѣры. Здѣсь нужно непремѣнно исполненіе трехъ условій: добрая и непринужденная воля, нужно отреченіе — съ одной стороны, и присоединеніе—съ другой. А для этого нужно совершеніе извѣстнаго *обряда*, послѣ котораго я вижу, что я уже фактически членъ—другой церкви. Но при „уніи“ ничего подобнаго не было. Тамъ даже никого не спрашивали: согласенъ-ли онъ или нѣтъ? Ни даже духовенства! И какая-же это, спрашивается, послѣ всего этого,—перемѣна Вѣры? Какая унія?.. Со всего этого выходитъ, что называть нынѣ Галицкую или, вообще, всю бывшую, когда-то, Западнорусскую, будто, унію — въ высшей степени несправедливо, обидно, просто — грѣшно! Мы играемъ въ руку, только нашему врагу — Риму. На себя же самихъ, и вообще, на

русское имя, и на всю Русь, налагаемъ добровольно пятно, никогда ею не заслуженное. Русь никогда не посрамила себя, отступничествомъ отъ своей Православной Вѣры ни какою-либо уніею. Слѣдовательно, все это несчастное явленіе въ нашей исторіи — насилья нашей совѣсти Римомъ — мы должны называть—не „уніей“ а совсѣмъ справедливо—„*лжеуніей*“! И саму Вѣру считать всегда лишь—*Православною*! Но такъ-какъ фактъ неоспоримый, что эта наша Вѣра была закрѣпощена, порабощена насильями Рима, такъ ее называть— „*Римопорабощеннымъ Православіемъ*“, а Церковь — „*Римопорабощенною Западнорусскою Православною Церковью*“. Слѣдовательно, и нынѣшняя Галицкая Церковь тоже не „уніатская“, а равнымъ же образомъ, „*Римопорабощенная Галицкорусская Православная Церковь*“. Это названіе и будетъ настоящимъ и вѣрнымъ названіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и протестомъ противъ насилья Рима, и вѣчнымъ его обличеніемъ.

Возвращаемся теперь къ нашему прямому предмету.

Однако во всемъ есть свои предѣлы. Такъ и у нашихъ борьцевъ силы истощаются съ каждымъ днемъ. И хотя они держатъ пока еще крѣпость въ своихъ рукахъ, однако, они уже не во всѣхъ ея частяхъ хозяева. Ихъ ряды замѣтно рѣдѣютъ, ряды же враговъ всегда пополняются. Крѣпкіе стволы карпатскихъ дубовъ съ грохотомъ ломаются, скалы лопаютъ Уже врагъ, не теряя времени, начинаетъ пользоваться своими частичными побѣдами, разставляя, во всѣхъ углахъ крѣпости, коварныя сѣти ультрамонтанскаго паука.

Что-же? Неужели и теперь еще не помочь имъ?

Неужели и теперь еще дожидаться преспокойно, пока крѣпость будетъ взята, пока она очутится всецѣло въ рукахъ враговъ, и гроза нагрянетъ на насъ во всей своей неожиданности? И кому-же это мы поможемъ: Галичанамъ-ли или же себѣ самимъ? И кого-же это мы спасемъ: Галичанъ-ли? или себя самихъ? Русская исторія не знаетъ никакихъ Галичанъ и никакой Галичины, но она знаетъ только одну „Русь", простирающуюся далеко по ту сторону Карпатъ. Слѣдовательно, мы имъ никакой милости не сдѣлаемъ, а сдѣлаемъ милость только себѣ самимъ, милость своей собственной Руси. Мы сами пользуемся плодами ихъ милостей, да и столько вѣковъ. Пора же, наконецъ, смѣнить уже разъ постъ, и дать ему чуточку отдохнуть. Не свое-же дѣло дѣлаетъ онъ, а общее дѣло всей арміи позади его.

Б) Вредъ ***для Россіи отъ Прикарпатья:***

Главные, да и единственные, виновники этого вреда, суть всѣ тѣ элементы, которые, какъ пришлые люди, давно уже успѣли, къ величайшему вреду первобытнаго, туземнаго, русскаго, населенія, свить себѣ тамъ прочныя, да и теплыя гнѣзда. Это, именно: въ Галичинѣ.—*Поляки*, со всѣмъ своимъ пресловутымъ таборомъ ксендзовъ и монаховъ разныхъ орденовъ; въ Угроруси—*Мадьяре*; въ Буковинѣ же—*Нѣмцы и Румыны*, хотя послѣдніе, будучи православными, вредны только одной русской народности, а не Церкви. Кромѣ того, большую силу представляютъ уже нынѣ—*украинщики*, которые однако получили свое начало отъ Поляковъ, въ Россіи, и благодаря ненавистничеству къ Россіи послѣднихъ, нынѣ представляютъ уже величину, съ которою нужно считаться. Не упоминаемъ уже

о *Евреяхъ*, которые разсѣлись во всѣхъ трехъ частяхъ, и которыхъ въ одной Галичинѣ болѣе полумилліона. Послѣдніе, какъ извѣстно, присоединяются всегда къ тѣмъ, у которыхъ бо́льшая сила. Это тѣ-же іезуиты, своего рода, движимые тѣми-же побужденіями, и преслѣдующіе тѣ-же цѣли, что̀ и послѣдніе. Эти-то всѣ и суть враги русскаго населенія Прикарпатья, и его паразиты. И въ ихъ-то нѣдрахъ кроется тотъ гнилой источникъ, который столько наноситъ вреда сосѣдней Россіи и ея Православію.

По мѣрѣ того, какъ эта прикарпатская крѣпость падаетъ отъ изнеможенія, въ непосильной борьбѣ, она превращается, все болѣе и болѣе, въ арену, на которой приготовляются—какъ мы это уже говорили — всевозможныя и неожиданныя бѣдствья для Россіи; которыя въ скоромъ времени должны заявить о себѣ, во всей своей польско-жидовско-іезуитской безпощадности, а которыя—какъ мы тоже уже сказали—и теперь уже начинаютъ проявляться въ томъ или другомъ видѣ. Нужно именно знать, что, благодаря этому нашему непростительному равнодушью, если не болѣе, къ судьбамъ Прикарпатья, вся эта страна превращается нынѣ, все болѣе и болѣе, въ „Швейцарію“, да и спеціально для Россіи. Раньше всѣ дѣла Поляковъ противъ Россіи приготовлялись, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи, нынѣ же нѣтъ нужды ходить такъ далеко, когда оказалось, что гораздо удобнѣе перенести эту Швейцарію въ Галичину. Тутъ и ближе и спокойнѣе. Тамъ смотритъ вся Европа, да и Русскіе имѣютъ тамъ свободный доступъ, наблюдаютъ: страна вѣдь открыта, европейская. Не то въ Галичинѣ. Здѣсь, въ захолустьѣ,

да къ тому, подъ покровомъ великой, и конечно, „дружественной“ державы, никто не обратитъ вниманія. Русскимъ же доступъ совершенно закрытъ, такъ-какъ здѣсь хозяева исключительно Поляки: кого хотятъ, того впустятъ, а Русскихъ ни за что. Вотъ почему они такъ ревниво оберегаютъ эту страну отъ Русскихъ, и столько пакостей дѣлаютъ каждому Русскому, который случайно зайдетъ туда! Не потому чтобы Русскіе „бунтовали“ противъ Австріи—они знаютъ отлично, что Русскіе этого никогда не дѣлаютъ—а только потому чтобы у Русскихъ, разъ на всегда, отбить охоту заходить туда, чтобы они не замѣтили случайно чегонибудь подозрительнаго, чтобы не попали, въ этой „Швейцаріи“, на слѣдъ совмѣстной дѣятельности всей Польши, а подъ ея видомъ, и всей Европы, противъ Россіи.

Мы не будемъ расписывать здѣсь подробно всею тайную организацію этой—какъ сами Поляки называютъ—„органической работы“ (organiczna praca) для возстановленія „ойчизны“, такъ-какъ сами Поляки лучше всѣхъ ее описали, ссорясь между собою, даже въ газетахъ, и желающихъ познакомиться съ этимъ всемъ, мы отсылаемъ къ изданной въ Львовѣ, въ прошломъ году, брошюрѣ „Всепольская партія“. Но и въ многихъ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ нерѣдко встрѣчаются разные, этого рода, вещи, а въ газетахъ, нпр. въ „Галичанинѣ“, чуть-ли не въ каждомъ нумерѣ, читаемъ, что тамъ въ Галичинѣ существуетъ, какой-то, „Ржондъ народовый“ („Народное правительство“; а даже два, одно—во Львовѣ, въ то время, т. е. въ 70-тыхъ годахъ, воглавѣ съ кн. Львомъ Сапѣгомъ, другое же—въ Краковѣ, воглавѣ съ гр. Адамомъ Потоцкимъ), ко-

торыхъ слушаются всѣ Поляки, и которыя, уже въ 1863 г., числили 1500 членовъ, принявшихъ присягу на соблюденіе тайны и исполненіе данныхъ имъ порученій, и т. п. *). И все это, разумѣется, вполнѣ съ согласія правительства „дружественной“ державы!

Но, впрочемъ, это не наша цѣль и не наше намѣреніе—указывать на этого рода вещи. Весь міръ знаетъ, что, гдѣ соберутся два или три Поляка, то тамъ уже пахнетъ „ойчизною“, „повстаніемъ“, тамъ тайны, секреты и т. п. Что-же теперь говорить о Галичинѣ, гдѣ Поляки полные хозяева? Такъ это извѣстно всему міру, и намъ нечего останавливаться при этомъ. Наше дѣло указать лишь на тѣ дѣлишки, которыя, съ одной стороны, прячутся нынѣ подъ таинственнымъ, чернымъ и широкимъ плащемъ духовнаго сословья, въ первой линіи, іезуитовъ, главныхъ заправилъ всего, и которыхъ концы тонутъ въ темныхъ подпольяхъ Congregatio de propaganda fide—въ Римѣ. Это и есть тотъ главный вулканъ, который дышетъ вѣчными интригами противъ Россіи, который одушевляетъ и воодушевляетъ всѣ враждебныя стихіи нашего юго-запада. Это главный, неутомимый и всегда дѣйствующій источникъ вѣчнаго заговора противъ Россіи. И объ этомъ мы уже кое-что сказали. Съ другой стороны, наша цѣль—обратить вниманіе еще и на ту опасность, которая угрожаетъ намъ со стороны украинофильско-соціалистическихъ козней, главный источникъ которыхъ кроется тоже въ нѣдрахъ того-же Прикарпатья, и состоитъ въ тѣсной связи съ краковскимъ „Ржондомъ народовымъ“.

---

*) См. Ф. И. С. „Прикарпатская Русь“, Львовъ, стр. 217 и 330.

Сообразно съ этимъ, и въ зависимости отъ этихъ темныхъ силъ, здѣсь издаются многочисленныя газеты спеціальнаго характера, и исключит. для вызванія безпорядковъ въ Россіи, какъ нпр. „Гасло", издаваемое въ Черновцахъ, на Буковинѣ, почти на самой границѣ Россіи, „Руска рада", издаваемая тоже въ Черновцахъ, профессоромъ университета, Смаль-Стоцкимъ, и др. И между-тѣмъ какъ нашего Государя принимаютъ съ низкопоклоннымъ фарисействомъ, и цѣлуютъ лобзаніемъ Іуды-Предателя, величая его „вѣрнымъ другомъ", въ тоже время, изъ предѣловъ государства „невѣрнаго друга", пересылаютъ тайно черезъ границу, въ предѣлы Россіи, цѣлые тюки всѣхъ этихъ „Гасловъ", „Рускихъ Радъ" и разныхъ т. п. „прокламацій". Не знаемъ, насколько это правда, что австрійское правительство, даже оффиціально, интересуется, а по крайней мѣрѣ, интересовалось „Галицкорусскимъ Обществомъ" недавно открытомъ здѣсь въ Петергурбургѣ. Если это правда, такъ кстати было бы имъ отвѣтить подобнымъ же запросомъ: въ какой цѣли открыто въ Краковѣ „Общество" „Ржондъ народовый", и противъ кого? Наше „Галицкорусское Общество", по крайней мѣрѣ, не отступаетъ отъ своего устава, и рѣшаетъ свои дѣла публично; между-тѣмъ у краковскаго „Ржонда народоваго" не существуетъ даже вовсе никакого устава, и онъ прячется, гдѣ-то, куда никто не имѣетъ доступа.

Такъ, по мѣрѣ того — повторяемъ — насколько наша прикарпатская крѣпость ускользаетъ изъ нашихъ рукъ, настолько она переходитъ въ враждебныя намъ руки; и насколько она перестаетъ

быть нашею крѣпостью, настолько она дѣлается крѣпостью нашихъ враговъ противъ насъ. Она, все болѣе и болѣе, превращается въ неизсякаемый источникъ безконечныхъ и всевозможныхъ бѣдствъ для насъ, которыхъ объема мы нынѣ еще и предвидѣть не въ состояніи. Словомъ, она превращается, именно, въ тò, чтò мы выше сказали, — въ „операціонный базисъ“, для будущихъ подпольныхъ и открытыхъ походовъ противъ Россіи всѣхъ ея тайныхъ и явныхъ враговъ, воглавѣ съ іезуитами. Но все это только начало. Не то будетъ еще, если эта крѣпость совсѣмъ падетъ, и совсѣмъ перейдетъ въ ихъ руки. Если мы не сумѣемъ оцѣнить, по достоинству, нынѣшняго положенія вещей, и не вмѣшаемся въ дѣло со всею энергіею и рѣшительностью. Повторяемъ, нынѣ все еще разбивается объ эту нашу крѣпость, которая пока убиваетъ ихъ затѣи въ самомъ источникѣ, и не допускаетъ разразиться имъ, во всей силѣ, въ предѣлахъ нашего отечества. А гдѣ не въ силѣ совладать сама, тамъ она, по крайней мѣрѣ, разоблачаетъ подпольные планы, предаетъ гласности всякое движеніе врага, подымаетъ тревогу, кричитъ, вопитъ... И оттого мы такіе безпечные.

Въ цѣляхъ скорой своей католической пропаганды въ Россіи, нынѣ, по всему Прикарпатью, строятся, съ крайнею торопливостью и лихорадочностью, безчисленные костелы и латинскія часовни, даже въ деревняхъ, въ которыхъ и одной католической души не существуетъ. Особенно *вдоль русской границы возводится, какъ настоящія прибрежныя батареи, цѣлый рядъ этихъ, никому не нужныхъ, костеловъ*, среди русскаго населенія, имѣющаго, и безъ того, свои церкви. Эти-то новостро-

ящіеся костелы, вдоль русской границы, и служать *агитаторскими станціями* для смущанія сосѣдняго населенія въ предѣлахъ Россіи, и подстреканія „упорствующихъ“ уніатовъ нашего Подлясья къ дальнѣйшему упорству. Кромѣ этой, они преслѣдуютъ еше двѣ другія цѣли. Вопервыхъ, чтобы произвести дружный напоръ на русскихъ жителей страны: чтобы скорѣе сломать ихъ преданность своему обряду, и сдѣлать изъ нихъ покорныхъ, твердопреданныхъ католичеству „уніатовъ“, чтобы, какъ мы это уже сказали, опираясь на вполнѣ преданную себѣ страну, тѣмъ сильнѣе рвануться въ южные предѣлы Россіи съ пропагандою католичества и соціалистичества. Вовторыхъ, въ той цѣли, что, еслибы, когда-либо, Прикарпатье было занято Россіею, то, чтобы послѣдняя, въ случаѣ попытки возстановить тамъ Православіе, какъ это имѣло мѣсто въ Холмской епархіи, вмѣсто того, встрѣтила тамъ дружный отпоръ и единодушное сопротивленіе со стороны жителей, на подобіе того сопротивленія, какое ставятъ нынѣ, только - что приведенные нами, такъ называемые „упорствующіе“, уніаты въ Сѣдлецкой губерніи, не желающіе, ни за что̀ присоединиться къ Православію. Такъ, чтобы все Прикарпатье было однимъ такимъ „упорствующимъ“. Тогда, значитъ, крѣпость будетъ уже совсѣмъ въ ихъ рукахъ, тогда она будетъ уже служить—не намъ, не интересамъ Православной Россіи, — а имъ однимъ. Россіи же будетъ она приносить тогда уже только одинъ—вредъ!

Что̀ же касается до этой заразы украинщиковъ, которая, какъ изобрѣтенная и направленная Поляками противъ Россіи, можетъ послѣдней принести большой вредъ, то мы должны привести, впро-

чемъ, еще то, очень важное, примѣчаніе, что, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, бываетъ, гдѣ существуетъ гнетъ сильнаго надъ слабымъ, всю эту партію можно, даже нужно, раздѣлить, по ея значенію, на три, а даже на четыре части:

а) на *сознательныхъ*, т. е. глубоко убѣжденныхъ заправилъ;

б) на *колеблющихся*, обманутыхъ, которые хотѣли бы узнать настоящую истину, да негдѣ ея узнать, и они невольно поддаются напору условій;

в) на *равнодушныхъ*, для которыхъ, въ сущности, вполнѣ безинтересно то или другое направленіе, а которые примкнули сюда только потому, что видятъ здѣсь болѣе выгодъ; и наконецъ,

г) на *малодушныхъ*, которые вовсе не убѣждены въ этомъ, а напротивъ, въ душѣ преданы историческому направленію, но примкнули сюда потому, что у нихъ нѣтъ мужества заявить себя открыто „Твердыми“.

Само собою разумѣется, что, разъ эти условія гнета отпали бы, то съ ними отпали бы и всѣ эти три послѣднія категоріи, и они были бы пріобрѣтенными для насъ. Зато ужъ всѣ тѣ, которые имѣютъ смѣлость исповѣдывать открыто историческія начала (а такихъ будетъ половина всей русской интеллигенціи въ Прикарпатьѣ), эти люди уже, въ самомъ дѣлѣ, самые закаленные герои и настоящіе избранники. Простой же народъ, само собою разумѣется, стихійно преданъ естественнымъ началамъ исторіи.

Вотъ и все значеніе русскаго Прикарпатья для Россіи, если угодно, въ его пользѣ и вредѣ!..

Думаемъ теперь, что тѣ господа, которые немного скептически относятся къ этому вопросу, и

придаютъ Прикарпатью „немного“ значенія для Россіи—какъ это намъ самимъ доводилось слышать—теперь сами увидятъ несостоятельность своихъ убѣжденій. Прикарпатье составляетъ для Россіи чрезвычайно важную статью. Не добромъ—ну, хорошо—такъ зломъ!—а всетаки оно тяжело дастъ себя почувствовать на вѣсахъ русской исторіи, какъ русская „окраина“. Приамурье куда меньшее имѣло значеніе, чѣмъ Прикарпатье,—а вотъ какую роль играетъ оно нынѣ! Придетъ очередь и на эту окраину. Но тѣмъ хуже, что неожиданно. „Неожиданность“ была въ Приамурьѣ, еще бо̀льшая „неожиданность“ выйдетъ и въ Прикарпатьѣ, при такомъ порядкѣ вещей. Но если мы ошибаемся, то должно быть, очень ужъ глупы іезуиты, Австрійцы, Германцы, Евреи и др., которые тоже такъ думаютъ какъ мы, а не такъ какъ эти господа-скептики. Но вѣдь этого объ іезуитахъ и др. мы сказать никакъ не можемъ, такъ-какъ опытъ всегда подтверждаетъ, что не они, а нашъ братъ всегда попадается въ просакъ. Будемъ же умны, хотя заднимъ умомъ, если уже не переднимъ! Іезуиты же, напротивъ, находятъ Прикарпатье настолько сильнымъ орудьемъ, что ожидаютъ себѣ отъ него потрясенія даже всей Россіи и ея Православія! Лучше ужъ, будемъ думать и мы такъ „глупо“ какъ думаютъ они, и лучше, переоцѣнимъ чѣмъ недоцѣнить.

Сопоставляя теперь все то̀ что̀ мы выше изложили, всю пользу и вредъ для Россіи, какіе ей причиняетъ или можетъ причинить русское Прикарпатье, и именно, какъ „русское“, а что̀ все заключается въ его „значеніи“ для Россіи, то является самъ собою вопросъ: Какъ быть Россіи по отношенію къ тому-же Прикарпатью? Склониться-ли ей на сто-

рону пользы или же вреда, и соотвѣтственно съ этимъ рѣшитъ и вопросъ его значенія для себя?.. Но отвѣтить на это весьма легко. Если, имѣя въ виду пользу Прикарпатья для Россіи, мы нашли совсѣмъ естественнымъ, рекомендовать самую энергичную поддержку и помощь этому, нашему-же, если такъ выразиться, экзархату русской земли, чтобы эта польза не превратилась во вредъ, а насколько можно, еще увеличилась, то съ другой стороны, видя, какой вредъ наноситъ намъ уже теперь оборотная сторона того-же Прикарпатья, а главное, какой вредъ приготовляется для насъ въ будущемъ въ разныхъ притонахъ его подполій, мы должны *еще болѣе* поинтересоваться этой, для насъ, на всякій случай, загадочной страной, въ которой, рядомъ съ самыми преданными намъ людьми, живутъ самые отчаянные наши враги, которые не знаютъ никакого примиренія, и знать не хотятъ; гдѣ стеклись и собрались враги со всѣхъ концовъ Европы, и сплотились въ дружной работѣ противъ насъ, и не имѣя смѣлости напасть открыто, поставили себѣ задачею, — подпольнымъ путемъ растлить и разорить наше отечество. Здѣсь, въ томъ-же близкомъ намъ Прикарпатьѣ, готовятся, повторять еще разъ, *чуть-ли не бóльшія событья чѣмъ на Дальнемъ Востокѣ.* Такъ-какъ тамъ вся драма устроена врагами Россіи, кромѣ прямой цѣли, еще и для маскированія того, что̀ они ей приготовляютъ на ближнемъ Западѣ и внутри самой Россіи. Мы можемъ отказаться отъ нѣкоторой части тѣхъ выгодъ, какія намъ даетъ одно большое предпринятье, и бросить ее въ жертву интереса цѣлости, если эта часть сопряжена съ разнаго рода затрудненіями и непріятностями, и угрожаетъ нарушить ходъ

цѣлаго дѣла. Это я могу сдѣлать, такъ-какъ этимъ я лишь окупаю и обезпечив аю правильность и прочность хода всего моего предпринятья. Я поплатился, правда, одною частью, но за то я спасъ цѣлость. Но я ни въ какомъ случаѣ не могу, и не долженъ, дѣлать этого, если я вижу, что эта частица превращается въ рукахъ моего противника въ рычагъ, угрожающій остановить ходъ всей моей машины. Этотъ выпавшій винтикъ влечетъ за собою расшатаніе и всего механизма. Повторяемъ и то, что мы можемъ, пожалуй, выбросить изъ санокъ ребенка на съѣденіе гонящейся за нами стаи волковъ, хотя это будетъ въ высшей степени ненравственно, если мы убѣждены, что этою жертвою волки будутъ удовлетворены, и мы спасемъ жизнь. Но если мы знаемъ положительно, что эта жертва только раздражитъ аппетитъ волковъ, и они нагонятъ насъ непремѣнно, тогда уже и самъ эгоизмъ говоритъ намъ: лучше уже остановись на мѣстѣ, и сразись съ волками, все равно, что̀ будетъ, то̀ и будетъ.

И право, пора бы уже перестать намъ смотрѣть на эту нашу родную страну масляными глазами нашей традиціонной дипломатіи и строчныхъ публицистовъ, почерпающихъ въ враждебныхъ намъ источникахъ свои свѣдѣнія о русской землѣ, и ждать безпечно, когда гроза разразится, и дѣло будетъ уже непоправимо. А напротивъ, нужно принять энергичныя мѣры, чтобы злыя затѣи враговъ, не только, не увѣнчались успѣхомъ, но еще послужили къ посрамленію ихъ; чтобы оружье, приготовляемое ими на насъ, обратилось противъ нихъ самихъ, и чтобы они сами впали въ ту яму, которую роютъ подъ своимъ ближнимъ. Этого требуетъ отъ

нас русская исторія и нашъ долгъ, по отношенію къ Вѣрѣ, къ Престолу и Отечеству, а прежде всего, чувство,—самосохраненія. Все равно, и безъ того, придетъ время, и придетъ скоро, пожалуй, раньше, чѣмъ мы этого ожидаемъ, когда *Россія, волей-неволей, будетъ заставлена, нетолько обратить свое вниманіе на эту неспокойную сртану, доставляющую ей постоянно лишь столько хлопотъ, но даже просто, будетъ принуждена вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла*, чтобы, разъ на всегда, положить конецъ этой вѣчной крамолѣ, и избавиться, разъ на всегда, отъ безпрестанныхъ, ядовитыхъ, укушеній, изъ-за угла, ея подпольныхъ скорпіоновъ и змѣй, столько времени нарушающихъ мирное развитье нашихъ южныхъ окраинъ. Ничего не поможетъ прятаться постоянно отъ врага, закрывать себѣ самимъ глаза, и дипломатической улыбкой покрывать коварныя дѣла „добраго" сосѣда. Но только, чѣмъ позже, тѣмъ это будетъ труднѣе. И теперь уже труднѣе, чѣмъ было раньше. Чтò помогло, что мы долгое время закрывали себѣ глаза на дѣла дальняго Приамурья? Пришло время, и волей-неволей, мы должны вмѣшаться въ его крамолу. Такое-же время прійдетъ и на Прикарпатье. Только тѣмъ хуже, чѣмъ дольше мы будемъ закрывать себѣ глаза на все то чтò тамъ происходитъ.

А помочь дѣлу для насъ сравнительно очень даже легко, и гораздо легче, чѣмъ для врага дѣлать нападеніе, такъ-какъ почва въ этой странѣ— наша, и все населеніе стоитъ еще по нашей сторонѣ, и представляетъ себя само въ наше распоряженіе. И намъ стóитъ только *положиться* на него, на этотъ нашъ родной народъ, и стоя крѣпко за его спиною, быть его сильною и вполнѣ надеж-

ною подпорою во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ, чтобы они имѣли на „кого“ *надѣяться*, и на „кого“ *опереться*, а тогда они и сами справятся съ врагомъ, и намъ нечего будетъ выдвигаться впередъ. Теперь пора! Теперь малѣйшее движеніе нашего пальца отозвется великанскимъ подъемомъ прикарпатскаго рычага. Теперь, повторяемъ, когда наши братья доведены до крайности, съ ожесточеніемъ врываются даже сами въ сѣти враговъ, рвутъ ихъ, портятъ планы, разоблачаютъ ихъ коварства, и готовы, хотя бы Нѣмцу предложить свои услуги, только чтобы освободиться отъ Ляха, отъ этого ненавистнаго, лѣтописнаго „Ляха“, шестьсотъ лѣтъ уже паразитомъ сидящаго у нихъ на шеѣ, согласно мѣстной пословицѣ: „хоть гирше, кобы инше“! Послѣ, повторяемъ, будетъ уже поздно. Когда наши братья будутъ уже окончательно сломаны, когда станутъ „упорствующими“ на сторонѣ враговъ, тогда и большія затраты средствъ и труда ничего не помогутъ, какъ ничего не могутъ помочь нынѣ всѣ наши труды съ окатоличенными, такимъ же способомъ, „упорствующими“ уніатами въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ. Между-тѣмъ, будь послѣднимъ дана помощь въ то время, когда самъ народъ боролся еще съ католичествомъ, когда призывалъ къ этому великій Сѣмашко, эти упорствующіе нынѣ уніаты были бы самые преданные Православію чада. Но мы ихъ оттолкнули! Значитъ, мы ихъ ополячили; мы сами ихъ окатоличили!.. Не оттолкнемъ же хотя нынѣ сыновъ Даніила Галицкаго, рвущихся къ намъ, чтобы проклятье исторіи не обрушилось на наши главы, и они, впослѣдствіи, ожидая напрасно себѣ помощи, изъ досады и огорченія, не махнули на

насъ рукой, какъ это многіе уже сдѣлали, и не стали открыто въ ряды враговъ противъ насъ!..

Словомъ, довольно уже зла принесла намъ эта несчастная, да и поистинѣ чудовищная граница! Если уже нельзя ея уничтожить, такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы ея значеніе, насколько возможно, не затрудняло, а облегчало наши взаимныя сношенія. И отъ чего тутъ отграничиваться? Отъ собственнаго народа, который въ насъ и души не чаетъ! А въ тоже время проливать потоки русской, православной, крови для того, чтобы уничтожить границы: между Русью и страною, на которой выводятся польско-іезуитскія змѣи, между русскою землею и землями, заселенными—армянскими гіенами, нѣмецкими барсами и финскими акулами. Это логика нашей политики! Вотъ гдѣ и слѣдуетъ устроить границу, если не государственную, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю, чтобы локализировать заразу на самыхъ окрайнахъ. Такъ умные люди дѣлаютъ. А тогда эти злые звѣри не будутъ врываться въ сердце государства, не будутъ смущать русскаго народа, и вызывать безпорядковъ внутри Россіи.

Сдѣлаемъ здѣсь маленькое отступленіе, но необходимое, для освѣщенія дѣла.

Нужно же сказать нѣсколько словъ также еще и о Полякахъ, какъ объ этомъ несчастномъ орудьѣ въ рукахъ Европы противъ Россіи, всегда на все готовыхъ, разъ дѣло противъ ихъ спасительницы и кормилицы—Руси.

Чтобы узнать, вкратцѣ, все значеніе Руси для Польши, и Польши для Руси, нужно, прежде всего, знать, что „Польша“ нынѣ, это настоящій — ана-

хронизмъ! Такъ-какъ, если она и существовала, когда-то, то это благодаря лишь такому рѣдкому и исключительному, историческому случаю, какого другого мы и не находимъ болѣе во всей исторіи. Это была настоящая аномалія въ исторіи. Нужно же, наконецъ, понять, что судьба Польши была исторіей запечатана еще наканунѣ Грунвальдскаго боя. Тогда Польша стала уже на томъ пути, по которому пошли разные эти Венды, Сорабы и т. п., другіе западные Славяне, которыхъ мы нынѣ даже и по имени всѣхъ не знаемъ. Туда-то пошла бы и Польша, и нынѣ Европа, объ этомъ племени, знала бы столько-же, сколько она знаетъ и о тѣхъ-же всѣхъ, погибшихъ Славянахъ. На ея мѣстѣ разливалось бы нынѣ нѣмецкое море наподобіе того, какъ на мѣстѣ литовскаго, когда-то, племени „Пруссовъ", развертывается нынѣ равнина раздолья самыхъ закоренѣлыхъ Германцевъ—„Пруссаковъ." Точно такою-же „германскою" была бы нынѣ и земля „Поляковъ", а они сами такими-же „коренными" и завзятыми Нѣмцами, какъ и первые.

Но къ величайшему счастью Польши, какъ-разъ наканунѣ этого рокового боя, нашъ русскій, православный, князь, Ягайло, женится на польской королевѣ, Ядвигѣ, и соединяетъ съ Польшею всю огромную Западную Русь. И вмѣсто того, чтобы, просто, „присоединить" ничтожную Польшу къ великой Руси, онъ, напротивъ, присоединяетъ, въ нѣсколько разъ бо́льшую, Русь къ крошечной Польшѣ. Измѣняетъ Православной Вѣрѣ, и дѣлается настоящимъ Полякомъ. Вотъ почему онъ и справедливо считается нынѣ измѣнникомъ, предателемъ! Онъ былъ „первый" русскій измѣнникъ,

далъ первый примѣръ, и за нимъ пошла вскорѣ и вся западнорусская знать, измѣняя, поголовно, Вѣрѣ и народности.

Приходитъ роковой день. И на поляхъ Грунвальда стоитъ, противъ несмѣтной массы Нѣмцевъ, уже вся Западная Русь, горой за Польшу. Непріятели столкнулись. Кояловичъ *) говоритъ, что Поляки—первые бѣжали съ поля сраженія; за ними пошли Литовцы. Осталась только одна православная Русь. Эта-то и вынесла на себѣ всю тяжесть Грунвальдскаго боя, а главное, Смоленскій полкъ. Она-то и сокрушила нѣмецкую силу. И Польша спасена!—къ своему, и еще болѣе, къ несчастью той-же Руси, своэй спасительницы. Тогда Польша вторично „стала быть". Какъ обреченная на смерть, въ ней, очевидно, не было жизнеспособности, какъ не было жизнеспособности и въ другихъ погибшихъ Славянахъ. А почувствовавъ разъ пріятность, жить чужимъ хлѣбомъ, она какъ сѣла въ тотъ злополучный день на шею Руси, какъ впилась упыремъ въ ея жирное тѣло, такъ сосетъ и сосетъ ея кровь до нынѣшняго дня. Всю тяжелую исторію Польши дѣлала „присоединенная" къ ней Русь, Польша же распоряжалась (да и неумѣло), только уже готовыми плодами. Это настоящій паразитъ Руси. А когда его, впослѣдствіи, оторвали отъ жертвы, этого паразита, такъ онъ и разсердился. Онъ уже пятьсотъ лѣтъ не стоялъ на собственныхъ ногахъ на землѣ, а всегда сидѣлъ на тѣлѣ своей кормилицы, и всегда лишь сосалъ ея грудь и кровь. Такъ онъ уже и не умѣетъ, да и неспособенъ, жить самостоятельной жизнью, и

*) М. Кояловичъ: «Чтенія по западно-русской исторіи».

оттого онъ такой злой и такъ кусается нынѣ. Но это, впрочемъ, обычная натура у всѣхъ паразитовъ, питающихся только чужими соками. Такова нынѣ Польша. Это трупъ, всегда искусственнымъ образомъ подогрѣваемый и отогрѣваемый, но вовсе негодный и неспособный для самостоятельной жизни, среди нормальныхъ условій. Оттого-то они такъ и бросаются на всѣ стороны, скрежещутъ зубами, и не будучи въ состояніи ужиться съ существующимъ порядкомъ вещей, требуютъ для себя непремѣнно такого порядка, какой былъ „когда-то", забывая совершенно, что нынѣшній порядокъ, не для труповъ, а для живыхъ людей. Но они съ этимъ помириться не хотятъ.

Мы сказали выше, что самый главный врагъ Руси, всегда былъ и всегда будетъ—не Нѣмецъ, а тотъ-же ея паразитъ—Ляхъ! И если избирать изъ двухъ золъ меньшее, то скажемъ откровенно, что Нѣмецъ даже предпочтительнѣе Поляка. У Нѣмца нѣтъ къ Руси этой племенной вражды; у Поляка же эта вражда къ Русскому перешла уже въ неизлѣчимую болѣзнь. Поэтому съ Нѣмцемъ всегда можно сговориться, и довольно только поставить на его границѣ грозный кулакъ, и онъ будетъ ходить взадъ и впередъ, будетъ постоянно осматривать его сверху внизъ, и взирать на него съ респектомъ, и съ мѣста не тронется. Съ Полякомъ же Русскому не сговориться никогда! Это доказываетъ вся 600-лѣтняя исторія. Спрашиваемъ: когда Русь съ Польшею сговорилась за все это длинное время?..

Поэтому, думаемъ, весьма кстати будетъ, если мы на этомъ мѣстѣ приведемъ подлинныя слова, всѣмъ извѣстнаго и недавно выбывшаго изъ на-

шего строя, великаго знатока Поляковъ, И. П. Корнилова, что̀ онъ пишетъ о „примиреніи“ съ Поляками: „Намъ говорятъ—пишетъ онъ *)—о примиреніи съ полонизмомъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ мириться съ революціонными началами, съ ложью, съ доносами, съ поджигателями, съ *врагами* государства? Можно ли примириться нпр. съ герценизмомъ, нигилизмомъ? Тутъ дѣло не въ ссорѣ, а въ томъ, что сумасшедшихъ надо сажать въ желтый домъ, а негодяевъ, всякаго рода злодѣевъ, ***писателей-агитаторовъ, разливающихъ нравственную отраву*** и другую сволочь надо обуздывать, дѣлать безвредными, ограждать отъ нихъ народъ, для блага общества, и ради истиннаго просвѣщенія“.

Это его подлинныя слова! И мы прибавимъ еще отъ себя, что всякая идея примиренія съ Поляками, это, въ сущности, предательство Руси, вольное или же невольное. А всѣ примирители, или они сущіе младенцы, незнающіе, ни Поляка ни его исторіи, или же, если они это все знаютъ, то они, или равнодушны къ судьбамъ своего отечества, или же, въ самомъ дѣлѣ, желаютъ ему вреда. Нужно же, наконецъ, разъ навсегда понять и то, что Поляковъ Русскому ***ничѣмъ не задобрить***! Хотя бы имъ отдать и всю Польшу „отъ моржа до моржа“, т. е. со всею западною половиною Россіи, которая когда-то къ нимъ принадлежала, какъ они этого желаютъ, такъ первымъ же дѣломъ, возстановленной Польши, будетъ — идти на „Москаля“, чтобы у него отбить и вторую, восточную половину. А

*) И. П. Корниловъ: «Русское дѣло въ Сѣверозападномъ Краѣ», Петерб. 1901, стр. 127.

дадите вы имъ и восточную — они пожелаютъ и Сибирь. А дадите имъ и Сибирь, и сами уйдете за море, на Алеутскіе острова, то и такъ, первымъ дѣломъ Поляковъ, будетъ—пойти всетаки „на Москаля“, на этого ненавистнаго имъ Москаля, чтобы у него отнять еще и эти острова, такъ-какъ эти тоже, какъ принадлежавшіе, когда-то, къ Россіи, „слѣдовательно“,—по польской логикѣ — должны теперь принадлежать къ Польшѣ.

Кромѣ того, какъ-же примиряться съ ними?— когда они положительно ничего и знать не хотятъ, и никогда и знать не хотѣли, о какомъ-либо примиреніи съ Русскими. Гдѣ-же и когда-же они это высказывали? И только мы, Русскіе, отъ нечего дѣлать, время отъ времени, заигрываемъ съ ними, какъ будто заискиваемъ въ нихъ, маскируя только, такимъ образомъ, сами вредную дѣятельность ихъ „органической работы“, а черезъ это, внушаемъ имъ только пуще убѣжденіе, какъ-будто мы сами чувствуемъ себя предъ ними виновными, пробуждаемъ въ нихъ „надежды“, отчего они еще болѣе дорожатся, думая о себѣ, Богъ вѣсть, что̀ такое. Да, если мы чувствуемъ себя, въ самомъ дѣлѣ, виновными предъ ними, то ихъ требованія нужно признать справедливыми, и слѣдовательно, возвратимъ имъ все то чего они отъ насъ требуютъ, и прибавимъ еще кое-что для задобренія. Какое тутъ примиреніе съ голыми руками? Но если, напротивъ, мы убѣждены, что они виноваты предъ нами, такъ тогда нужно признать справедливыми—опять наши требованія отъ нихъ, и все то, что̀ мы съ ними сдѣлали считать справедливымъ. А тогда и логика говоритъ, что, не мы должны заискивать въ нихъ, а напротивъ, — они въ насъ. И слѣдова-

тельно, не намъ протягивать къ нимъ руку примиренія, которую они всегда только оплевываютъ, а имъ къ намъ. Кому-же извиняться предъ кѣмъ?— хозяину-ли предъ непокорнымъ прикащикомъ? учителю-ли предъ непослушнымъ ученикомъ? — или же наоборотъ? И безъ того, мы имъ еще слишкомъ мало сдѣлали, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ они сдѣлали намъ, и слишкомъ мало еще дѣлаемъ, противъ того, что̀ они дѣлаютъ намъ еще нынѣ, и здѣсь, и еще болѣе, въ Прикарпатьѣ. А завоевать полудикое государство, въ которомъ законъ—анархія и разбой сильнаго надъ слабымъ, гдѣ, кромѣ вельможи, все остальное — „быдло", скотъ *), и внести въ него законность и порядокъ,—это заслуга предъ Богомъ и тѣмъ-же самимъ народомъ... Такъ вотъ, имъ-то и „примириться" съ нами, если мы изволимъ быть снисходительными къ этому.

„Мы ничего болѣе не желаемъ себѣ—говорятъ нпр. Галичане—а лишь того, чтобы мы у себя на родинѣ, въ нашей же родной Галичинѣ, *имѣли только то отъ Поляковъ, что̀ они имѣютъ отъ Русскихъ въ своемъ Привислинѣ*... Болѣе отъ нихъ мы ничего уже не требуемъ, и будемъ имъ вѣчно благодарными. Русскіе, именно, завоевали Польшу только политически, и болѣе не тронули у нихъ ничего: ни вѣры, ни экономическихъ условій. Напротивъ, Поляки при Россіи только и поправились, откормились, только и вкусили хлѣба. Не то Поляки сдѣлали съ нашею Западною Русью, а преимущественно съ Галичиною. Уже въ первые

*) Въ старыхъ, польскихъ документахъ мы такъ и читаемъ о простомъ народѣ—«быдло», т. е. скотъ.

дни послѣ политическаго ея „присоединенія“, они тотчасъ-же набросились на ея Церковь, Вѣру, на ея экономическія условія: ограбили весь народъ, изуродовали Вѣру, нарушили весь строй жизни, ополячили и окатоличили всю знать, все дворянство, все среднее сословье. Добрались, наконецъ, до мужика, стали насиловать и его: били, мучили, грабили, хищными звѣрьми, словомъ, внесли во всю страну величайшую смуту, въ которой, наконецъ, и сами погибли. И тогда народъ, и русскій и польскій, впервые отдохнулъ! А когда уже не стало этихъ лютыхъ мучителей, оказалось что? Страна разоренная, а среди кучъ всякаго рода нечистоты, гнилья и неряшества, блуждающія робкія тѣни нѣсколькихъ забитыхъ, захудалыхъ, замученныхъ и заголодалыхъ мужиковъ, которые долгое еще время и вѣрить тому счастью не хотѣли, не смѣли, что ихъ мучители уже не имѣютъ болѣе власти надъ ними. Лучше всего видимъ это на нынѣшней Галичинѣ. Всѣ лѣтописцы, даже польскіе, писали, да еще и нынѣ пишутъ Поляки, что когда-то была эта страна „медомъ и молокомъ текущая“. Прошелъ по ней несчастный ураганъ, польскій!.. И что-же? — Со всего этого остался только одинъ „хлопъ да попъ“! — и всѣ голодны. Куда-же дѣвались, этотъ „медъ“ да это „молоко“? Все это высосали паризиты! Да и нынѣ не оставляютъ еще этого несчастнаго хлопа въ покоѣ! Грабятъ, дерутъ!.. Приведенный въ отчаяніе народъ, бросаетъ, наконецъ, всю свою родную землю и сотнями тысячъ уходитъ за океанъ, въ Америку!.. А лютые паразиты—что̀ дѣлаютъ? Отнимаютъ у него еще и эти бѣдные участки земли, да еще сами вывозятъ ихъ, словно, скотъ, въ

Америку, и заселяютъ оставшіяся, послѣ нихъ, участки ихъ родной русской земли мазуро-польскимъ племенемъ!.. И этимъ они хотятъ „примириться“ съ Русью!!.. Да это надо быть съумасшедшимъ!“..

Вотъ что̀ вы услышите изъ устъ всякаго Галичанина!.. Пусть Русскіе примирятся только съ своею собственною Русью, а этимъ совершатъ уже великое дѣло. А то наше несчастье, что, гоняясь за призракомъ примиренія съ непримиримыми, мы, все болѣе и болѣе, теряемъ связь между самими собою.

Однако Поляки, благодаря своимъ двумъ „Адамамъ“, одному „поэту измѣны“—Мицкевичу, другому же „отцу заговоровъ“ — Чарторыйскому, который болѣе половины столѣтья училъ ихъ искусству дѣлать заговоры противъ Россіи, ничего болѣе и не желаютъ, а только—„zemsty, zemsty, zemsty!—z Bogiem a choćby i bez Boga“!—(мести, мести, мести! — съ Богомъ, или хотя бы и безъ Бога!) — какъ въ одномъ мѣстѣ пишетъ Мицкевичъ. Они въ своей враждѣ зашли уже такъ далеко, что поворотъ, просто, уже немыслимъ. Въ ихъ сердцѣ произошла, въ самомъ дѣлѣ, какая-то физіологическая перемѣна, сдѣлался какой-то, особеннаго рода, порокъ сердца, который передается у нихъ отъ поколѣнія до поколѣнія, такъ, что перемѣна отъ нихъ уже не зависима. Поэтому они готовы — по словамъ того-же своего Мицкевича—пойти хотя бы даже въ адъ, но только подъ тѣмъ условеьмъ, чтобы за собою повлечь все-таки „того-же“ „Москаля“. Да что̀ тутъ много и толковать-то! У нихъ же составилась даже особая пословица: „Jak świat światem, nie będzie Polak Rusinowi bratem“!--(Какъ свѣтъ свѣтомъ, Полякъ

Русскому никогда не будетъ братомъ). А нужно же полагать, что Поляки сами себя лучше понимаютъ, чѣмъ мы ихъ. Изучили же на своей шкурѣ это „примиреніе“ съ Поляками и бѣдные Западноруссы, особенно Галичане, и не даромъ же составилась у нихъ тоже пословица: „Съ Ляхомъ ся братай, да камень за пазуху хватай!“ Пословица извѣстна всей Западной Руси, въ которой они когда-то хозяйничали. И чего-же еще нужно? Пословица — это математическая аксіома. Словомъ, примиреніе съ Поляками положительно невозможно, повторяемъ еще разъ, даже хотя бы они сами этого желали. Тутъ возможенъ только одинъ родъ примиренія, но радикальный: или я тебя съѣмъ, или ты меня съѣшь. Слѣдовательно, самое лучшее средство къ примиренію—*неуклонная послѣдовательность*! Или же передать ихъ въ руки Пруссаковъ, „на съѣденіе“. А тогда мы и сами избавимся отъ этого неспокойнаго элемента въ государствѣ— лучше же имѣть врага внѣ государства, чѣмъ внутри,—и они сами скоро излѣчатся изъ своего порока сердца, да еще будутъ къ намъ протягивать свои руки, какъ нынѣ Познанцы. А вдобавокъ, вся ихъ вражда перейдетъ на Германію и на Нѣмцевъ, къ величайщей пользѣ Россіи, къ которой они будутъ вздыхать какъ Евреи къ египетскимъ горшкамъ. Пруссаки отличные доктора. Поэтому-то они, безъ сравненія, менѣе сердиты на Германцевъ, которые ихъ держатъ всегда *ровно* въ ежевыхъ рукавицахъ, чѣмъ на насъ, которые постояннымъ попусканіемъ, именно, всегда ихъ только раздражаемъ, пробуждая въ нихъ всегда несбыточныя „надежды“. Тамъ уже и надежды никакой нѣтъ, поэтому и вражды такой нѣтъ;

такъ-какъ *вражда* только тамъ, гдѣ есть еще *надежда*. Умираетъ надежда—замираетъ и вражда.

Скажутъ, пожалуй, что во мнѣ говоритъ—ненависть. Нѣтъ,—любовь къ моей родинѣ. А если ненависть, то такая, какою всякій ненавидитъ враговъ, которые его отечество *невинно* убили. А когда оно уже почти трупъ—еще ядомъ обливаютъ его, и еще шкуру съ него дерутъ, чтобы и эту промѣнять на полтинникъ. Моя вражда къ Полякамъ, это не вражда Поляковъ къ Руси. Польша всегда дѣлала разбойничьи нападенія на Русь. И чтобы избавиться отъ нея, нужно было непремѣнно ее покорить. Ее и покорили. Мы же на Польшу никогда нападеній никакихъ не дѣлали, напротивъ, мы ей служили кормилицею, цѣлыя столѣтья, и принимали даже участье въ ея разбойничьихъ нападеніяхъ, шли противъ собственной Руси. Безъ насъ, Польши никакой никогда и не было бы. Она жила паразитомъ на нашей Руси, шесть столѣтій, а въ Прикарпатьѣ еще и нынѣ. Потому Полякъ и такой свирѣпый, повторяемъ, какъ свирѣпый каждый паразитъ, котораго отдерутъ отъ жертвы. Но несмотря на все это, я тутъ-же, сегодня-же, *готовъ имъ отъ души простить* всѣ ихъ долговѣковыя злодѣянія, если они только придутъ, и по словамъ Евангелія, скажутъ, но чистосердечно а не лукаво: „каюся, прости!“ Я отъ нихъ не требую уже никакого вознагражденія за всѣ убытки, а только того одного, чтобы они впредь были, просто, только—„безвредными“, и не обижали болѣе Руси. Значитъ, я отъ нихъ не требую уже никакихъ „+“, а только, пусть будутъ, просто—„0“, но только не „—“ для русскаго дѣла. Требованіе, какъ всякій видитъ, очень скромное и въ высшей степени справедливое.

Но въ томъ-то и дѣло, что Полякъ и этого сдѣлать не можетъ, просто—*неспособенъ*. Сказано же, если неошибаемся, Наполеономъ: «Поляки сами въ себѣ носятъ свою гибель». Они сами погубили свое отечество, они и сами погибнутъ вконецъ. Создайте вы имъ сегодня Польшу, они завтра-же сами—въ клочки разнесутъ ее. Да еще всѣмъ сосѣдямъ много-много непріятностей надѣлаютъ. Они ужиться не могутъ ни съ кѣмъ, они сами съ собой не могутъ ужиться. Они очень уподобляются тому библейскому Исаву, котораго руки были на всѣхъ, и всѣхъ на него. Они уподобляются тому неспокойному «Фарису» своего Мицкевича, который гоняясь за всѣми ураганами Сахары, самъ не зная зачѣмъ, на своемъ лихомъ конѣ, только все болѣе увязаетъ въ ея пескахъ, пока, наконецъ, и совсѣмъ застрялъ. А Мицкевичъ говоритъ ему въ слѣдъ: „Кто сюда зашелъ хоть разъ,—тотъ ужъ болѣе не вернется!“.. Не вернуться уже и Полякамъ, разъ они зашли туда куда зашелъ ихъ Фарисъ.

Вотъ и нынѣ нпр., въ минуту, когда наше отечество ведетъ ожесточенную борьбу съ врагомъ, жертвуя имуществомъ и жизнью лучшихъ своихъ сыновъ, мы читаемъ въ телеграммахъ изъ Львова, что проживающая тамъ, и учащаяся въ Львовскихъ учебныхъ заведеніяхъ группа польскихъ студентовъ изъ Привислинья, послала въ Вѣну, на руки японскаго посланника, телеграмму слѣдующаго содержанія: „Да живетъ Японія! И да бьетъ Русскихъ!“ Правда, комически звучатъ эти слова, да всеже это фактъ!

Но Поляки, а съ ними, конечно, и наши отрицатели и порицатели, скажутъ: „Ну что-же? Молодые люди, извѣстно. Это дескать еще „не значитъ“, что

„всѣ“ Поляки такіе-же.—Нѣтъ, это и есть прямое „доказательство“ того, что *всѣ Поляки таковы*. Вѣдь, какъ о нашей русской молодежи, дѣлавшей безпорядки на улицѣ, никто не скажетъ, что только они одни были такіе, а общество тутъ ни причемъ; равнымъ же образомъ, какъ никто не скажетъ о нарывѣ сифилитика, что онъ тутъ у него сидитъ особнякомъ, на носу, безо всякой органической связи съ прочимъ тѣломъ; точно такъ-же нельзя и о польской молодежи сказать, что она дѣлаетъ свое дѣло отдѣльно, а прочее польское общество вовсе этого не раздѣляетъ. Нѣтъ, господа! И безпорядки русской молодежи были только *органическимъ послѣдствіемъ* убѣжденій одной части русскаго общества, и нарывъ сифилитика, образовавшійся у него на носу, точно только такое-же *органическое послѣдствіе, и видимое доказательство* зараженія крови всего тѣла. Слѣдовательно, и явная манифестація польской молодежи, все равно, гдѣ бы это ни было, равнымъ же образомъ, есть не что̀ другое, а только *такое-же видимое доказательство, такое-же органическое послѣдствіе, и такой-же наружный нарывъ и признакъ зараженія, точно такими-же вредными идеями, также и всего польскаго тѣла*!.. „Что̀ старые думаютъ, то̀ молодые дѣлаютъ!“—извѣстно уже давно. Впрочемъ, мы нисколько не завидуемъ этимъ жалкимъ „симпатіямъ“ Поляковъ къ Японцамъ. Напротивъ, мы очень этому радуемся, и даже скажемъ: сохрани Богъ навсегда Россію отъ всякихъ польскихъ симпатій, такъ-какъ это признакъ очень дурной. Въ Галичинѣ, именно, въ послѣднее время, въ мѣстныхъ русскихъ газетахъ, а за ними, даже и въ польскихъ, обращено вниманіе на то странное явленіе, что съ паденіемъ

Польши, на чьей сторонѣ были только роковыя симпатіи Поляковъ, во время войны, то та сторона всегда проигрывала. Такъ и нынѣ, плохое это предзнаменованіе для Японцевъ. Слава Богу, что насъ избавили отъ своихъ „симпатій“, не нужныхъ, впрочемъ, и Японцамъ. Несчастные это люди, всегда хотятъ что-то изображать изъ себя, а никто на нихъ не обращаетъ вниманія.

Возстановленіе Польши?—Да кому это нужно? Кому она нужна?—спрашиваемъ еще разъ. Да она въ тягость самимъ-же Полякамъ. Въ Галичинѣ нпр. немного у нихъ этой „Польши“, да что-же мы тамъ видимъ? Въ газетахъ тоидѣло читаемъ, объ открытіи тайныхъ кружковъ, направленныхъ—противъ кого, думали бы вы?—Другъ противъ друга!. Такъ, кому она нужна? И кто будетъ ее возстановлять? Triplex confinum, въ которомъ столкнулись концы всѣхъ трехъ, раздѣлившихъ ее державъ, испытываетъ нынѣ такое сильное давленіе, что онѣ еще дальше „дѣлили“ бы, еслибы только чтò было, и забирали бы, а не возвращали бы того, чтò уже давно забрали. Правда, одна изъ сосѣднихъ династій, говорятъ, условилась съ Поляками, что послѣ возстановленія Польши, престолъ будетъ за нею.—Еще бы! На это всякій согласиться готовъ, хотя бы и престарѣлый Крюгеръ, бурскій президентъ, если онъ еще живъ. Но сдержитъ-ли она слово? Хорошо сулить, когда дѣло въ томъ, чтобы эксплоатировать вражду другихъ противъ того, противъ кого она сама замышляетъ. Австрія не осталась вѣрною Россіи, хотя эта ничего отъ нея не требовала, за столько благодѣяній, а только одной вѣрности хорошаго сосѣда. Останется-ли она вѣрною Полякамъ, отъ которыхъ она сама въ отчаяніи,

и ладить съ ними только благодаря вѣчнымъ уступкамъ, и только въ виду Россіи? Разъ она „побѣдитъ“ Россію, она будетъ думать надъ тѣмъ: какъ бы „возстановить“ саму себя а не Польшу?— Германіи-ли нужна Польша?—Нѣмцы и теперь не церемонятся съ Поляками, а вдругъ, побѣдивъ Россію, они должны подносить въ видѣ подарка Полякамъ, нетолько все тó чтò они пріобрѣли въ Россіи, но еще и тò чтò у нихъ сегодня, возвращать Польшѣ! Да это, просто, съумасшествіе, только подумать! И помѣститься можетъ развѣ только въ башкахъ допотопныхъ животныхъ эпохи плезіозавровъ и ихтіозавровъ, но уже никакъ не современныхъ. Это было бы похоже на то, какъ если бы Австрія и Германія, предприняли огромную войну только единствено въ той одной цѣли, чтобы— возстановить Польшу!.. Право, и смѣшно и жалко!

Еще болѣе видовъ на успѣхъ имѣли бы Поляки при Россіи. Но въ томъ-то и суть. Поляки помѣшались на цивилизаціи (которой у нихъ почти лишь столько-же сколько они пріобрѣли ея подъ Россіей), и съ такимъ „варваромъ“ они никакъ дружить не „могутъ“, хотя бы даже за цѣну—возстановленія Польши. А для Россіи, и сама Польша— тяжелое бремя, не столько вслѣдствіе недостатка силы—этой довольно—но рѣшительности воли. Періодъ несвоевременнаго сентиментализма, который Россія нынѣ переживаетъ, убійственный для нея. Впрочемъ, всѣ народы Запада переживали такое время, а Нѣмцы, пожалуй, еще болѣе Русскихъ. Но тогда были другія времена. Излѣчатся отъ этого и Русскіе. Такъ, для Россіи и Польша уже—бремя. Но побѣдивъ разъ Западную Европу, она положительно, не въ силахъ уже была бы совладать съ этимъ

бременемъ своихъ побѣдъ. И она нуждалась бы тогда дѣйствительно въ помощникахъ. Она нуждалась бы въ вѣрномъ швейцарѣ, въ вѣрной—чтобы не употребить простого слова „собакѣ“ —скажемъ, въ вѣрномъ, положимъ, бульдогѣ, лежащемъ на порогѣ ея дверей. А на это годились бы именно—славянскія государства. Они устроили бы такое, своего рода, „пограничье“, отъ запада къ югу, кругомъ Россіи, и такимъ образомъ, помогали бы Россіи держать Европу въ респектѣ. Между этими Славянами, конечно, мѣсто было бы и для Польши. Но въ томъ-то и дѣло. Можно-ли положиться, что этотъ польскій бульдогъ, вмѣсто запада, не оскалитъ своихъ зубовъ къ востоку? И будетъ стоять „піонеромъ“ Россіи, какъ стоитъ сегодня, хотя и безсильный, піонеромъ Европы?—Нельзя!..

Вообще, есть три причины: почему возстановленіе Польши немыслимо:

а) *Католичество* Поляковъ. Не въ „католичествѣ“ конечно, дѣло, а въ томъ, что гдѣ царство католичества, то тамъ, повелитель — Римъ! А гдѣ Римъ повелитель, тамъ хозяева—ксендзы. А гдѣ ксендзы хозяева, тамъ народъ — безсмысленное „быдло“, скотъ. Но извѣстно, Римъ и его Congregatio de propaganda fide никогда не согласятся на то, чтобы Польша жила въ мирѣ съ православной Россіей, а въ враждѣ. У нихъ есть свои цѣли, а не польскія. И удивительны сами Поляки! Видятъ, что именно католичество причина ихъ гибели, что Римъ погубилъ ихъ, и все-же они держатся еще его со всѣхъ силъ, и даже все болѣе и болѣе тонутъ въ его кабалѣ. Но бросили бы они разъ Римъ съ его гибельнымъ католичествомъ, и приняли бы славянское Православіе, а тогда ихъ акціи возста-

новленія отчизны вдругъ поднялись бы на 33 1/3 процента.

б) ***Руси-манія*** Поляковъ. Получивъ Польшу, они потребуютъ, непремѣнно, вслѣдъ за этимъ, какъ мы уже выше сказали, и всю Западную Россію, чтобы владѣть «отъ моржа до моржа». Но еслибы Полякамъ только было «возможно» (чтò, просто, невозможно) отказаться разъ на всегда отъ Руси, то ихъ акціи возстановленія Польши, поднялись бы еще разъ на 33 1/3 процента.

в) ***Руссофобія*** Поляковъ. Поляки не могутъ жить безъ вражды къ Россіи, иначе, они, дескать, „обрусѣли“ бы. Значитъ, они живутъ только протестомъ противъ Руси!.. Но еслибы только было возможно, чтобы они и отъ этого вылѣчились, и чтобы, возстановленный Россіею польскій бульдогъ, былъ ей безусловно вѣрный, и ворчалъ только на западъ, а не на востокъ, тогда акціи Польши поднялись бы еще одинъ разъ на 33 1/3 процента, чтò дало бы всего 100 процентовъ. И тогда возстановленіе Польши было дѣйствительно дѣломъ, по крайней мѣрѣ, мыслимымъ. Такая Польша была бы тогда для Россіи, въ самомъ дѣлѣ, большимъ пріобрѣтеніемъ и ея правая рука въ Европѣ. И Россіи было бы съ ней хорошо, и ей было бы хорошо, и она жила бы какъ „u Boga za piecem“ (за печкою), согласно польской пословицѣ.

Само собою разумѣется, что престолы, какъ польскій, такъ и другихъ Славянъ, должны бы оставаться въ рукѣ Русскаго Царя, чтобы сохранить *единовластье*. Иначе, всѣ Славяне будутъ съ собой только ссориться да драться, и выйдетъ настоящая славянская каша, въ которой всякій только

ротъ обожжетъ себѣ, кто только пожелаетъ ее хлебнуть. И все дѣло будетъ еще хуже прежняго.

А условье всего этого—сломать германскій міръ! Стало-быть, всѣ Славяне должны помогать Россіи въ этой борьбѣ, а не стоять противъ нея, слѣдовательно, и Поляки. Кто не будетъ трудиться а, тотъ и не будетъ участникомъ трапезы. Но разъ они стоятъ противъ Россіи, то они могутъ ожидать, не лучшей, а еще худшей участи, которая ихъ и постигнетъ! А жаль этихъ людей. Столько энергіи затрачиваютъ они ежегодно—на свое самоубійство и на то, чтобы увеличить силы своихъ собственныхъ враговъ! Тогда-какъ они могли бы принести много пользы всему Славянству, а болѣе всего себѣ... Но не ждать отъ солнца поворота къ востоку, а отъ Поляковъ—поворота къ Россіи и Православію!..

IV.

Значеніе Россіи для Прикарпатской Руси.

Представивъ, въ предлежащемъ очеркѣ, значеніе, какое имѣетъ Прикарпатская Русь для Державной Руси, для Россіи, уже одна справедливость, да и полнота очерка требуютъ отъ насъ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, въ краткихъ словахъ, указали также и на воздѣйствіе Россіи на туже Прикарпатскую Русь, т. е. на то значеніе, какое, въ свою очередь, имѣетъ Россія для тогоже русскаго Прикарпатья. Тогда мы будемъ имѣть полное да и ясное представленіе объ этихъ двухъ, совсѣмъ отдѣльныхъ и независящихъ, другъ отъ друга, русскихъ мірахъ. Тогда мы, словно, на чашкахъ вѣсовъ, можемъ оцѣнить, со всею точностію, сколько одинъ міръ стоитъ другого? Здѣсь мы тоже соблюдемъ тотъ-же порядокъ, и представимъ дѣло со стороны пользы и вреда.

А) Польза ***для Прикарпатской Руси отъ Россіи.***

Если говорить о пользѣ, какую имѣетъ Прикарпатская Русь отъ Россіи, то, право, этотъ вопросъ приводитъ насъ въ нѣкоторое смущеніе. Весь міръ пользуется, а если уже не пользуется болѣе, то пользовался раньше Россіей: Германія вся создана русскою кровью, и для нея Россія,

двѣсти лѣтъ, была настоящимъ резервомъ. Австрія поставлена вновь на ноги Россіей; для нея же Суворовскія войска покорили Италію. Нынѣ же далекая Франція держится только одной Россіей. Даже такіе Буры, о которыхъ и вся Европа ничего не знала, гдѣ-то, на самомъ концѣ Африки, даже и тѣ получали осязательную пользу отъ Россіи, во время своей войны съ Англичанами. О Славянахъ, мы уже и не упоминаемъ. Эти скоро уже въ пословицу войдутъ, въ родѣ нпр. „Щедръ какъ Россія для Славянъ“, такъ-какъ для нихъ Россія чуть-ли не болѣе, чѣмъ сама для себя. Даже за Грековъ, Румынъ, и за кого только не лилась русская кровь, и куда только не плыли русскіе милліоны? А даже, наконецъ, Поляки, даже и эти удостоились въ такой степени русскихъ симпатій, что вдругъ вся русская печать, безъ различья направленія, заговорила о нихъ и заступилась за нихъ въ такомъ пустякѣ, что начальство одного нѣмецкаго училища въ Германіи, высѣкло нѣсколько дѣтей за непокорство и сопротивленіе властямъ, вдобавокъ, внушенное имъ ихъ-же родителями! И что-же, спрашиваемъ, болѣе справедливо на свѣтѣ?

Только одна Прикарпатская наша, родная, Русь, только одна Галичина, Буковина да русское Закарпатье не удостоились еще того, чего удостоены были всѣ враги Россіи. „За насъ — говорятъ Галичане — не заступился досихпоръ, въ Россіи, еще ни одинъ голосъ, ни одна газета, ни одно изданіе. Всѣ соблюдаютъ упорное молчаніе, а если кто и напишетъ что̀, или скажетъ что̀, то, или исковеркано, переврано съ крайнимъ незнаніемъ дѣла, или же вяло. Во всемъ проглядываетъ ка-

кая-то неохота, апатія... Лучше уже ничего не говорить, и ничего о насъ не писать. Словно, россійская Русь вычеркнула насъ изъ состава Руси, Славянскія же Общества — изъ состава Славянъ. Кого, кого нѣтъ на счету у нихъ, и кого они не призираютъ? И Румынъ и Грековъ, даже и нынѣ еще, содержатъ они на свои средства цѣлые легіоны. Но Галичанина не найдете вы тамъ *ни одного*! Даже богатые, западные, католическіе, Славяне, даже и отъ этихъ не отвращаютъ они своей щедрой руки, и прійдетъ кто-нибудь изъ нихъ на Русь,—уже ему здѣсь раздолье, и тьма покровителей въ средѣ славянофиловъ. Но только не изъ Прикарпатья, разумѣется, русскаго, такъ-какъ изъ словацкаго Закарпатья, если придетъ, то совсѣмъ другой порядокъ. Просмотрите всѣ ихъ счета, съ самаго начала до послѣдняго дня, и убѣдитесь, насколько вѣрны наши слова. Для кого сотни рублей, для насъ всегда только копѣйки или ничего. Нынѣ, слышимъ, есть въ нѣдрахъ этихъ Обществъ, нѣкоторые господа, которые недовольны тѣмъ, что мы устроили себѣ отдѣльное общество, и такимъ образомъ, какъ-будто, выступаемъ изъ вѣдѣнія Славянскихъ Обществъ. Это даже странно. Насъ исключили почти совершенно изъ списка своихъ кліентовъ, а когда мы, по чувству самосохраненія, ищемъ другимъ путемъ своего спасенія, они вдругъ недовольны этимъ. Да, устроеніе отдѣльнаго нашего, и спеціально „галицкаго“ Общества,—это и есть прямое доказательство, на всѣ времена, того, какъ о насъ заботились „Славянскія“ Общества. Оттого-то и необходимость его самая неотложная. Одинъ только Святѣйшій Сvнодъ, — этотъ, поистинѣ, съ достойнымъ своего

высокаго положенія тактомъ, снисходилъ всегда къ нуждамъ всякаго, кто прибѣгалъ къ его помочи, безъ различья, благодаря В. К. Саблеру, извѣстному и отличному знатоку славянской жизни здѣсь, въ Петербургѣ, и вообще. Онъ-то, со свойственною ему распорядительностью, умѣетъ управлять этою сложною и, правду сказать, отчаянно скрыпящею, разбитою, славянскою телѣгою при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, требующей только постоянной и сильной смазки“.

Впрочемъ, не въ упрекъ мы это говоримъ, а для назиданія для себя самихъ, и для руководства въ будущемъ. Это есть именно прямое послѣдствіе того нашего несчастнаго направленія умовъ, что мы ищемъ вездѣ бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, по всему міру, а только на своей Руси видѣть ихъ не хотимъ. Мы же сами сказали, что, если Русскіе къ собственной Руси относились безучастно,—какъ же они могли интересоваться Русью, какою-то, заграничною? Этого, конечно, и требовать нельзя, по крайней мѣрѣ, невозможно было. Будь Прикарпатье — не прямо „русское“, а какое-нибудь другое „славянское“— уже навѣрное, нашлось бы много „славянофиловъ“, которые изучили бы его вдоль и впоперекъ. Въ эту ошибку впали, конечно, нехотя, и эти Славянскія Общества, какъ состоящія изъ тѣхъже русскихъ людей. Виноваты въ этомъ, правду сказать, немного также и сами Галичане, что слишкомъ мало стучали въ двери этихъ Обществъ, и вообще, слишкомъ слабо заявляли о себѣ въ Россіи. А тутъ нужно стучать, шумѣть посербски, поболгарски, и только тогда услышатъ васъ. Дѣла въ Россіи много. Но нынѣ, слава Богу, прихо-

дится съ пріятностію отмѣтить намъ то явленіе, что, если Славянскія Общества раньше и не съ особеннымъ усерьдемъ заботились о Прикарпатской Руси, то это только исключительно но недоразумѣнію, а не вслѣдствіе нерасположенія къ ней, такъ-какъ почти половина членовъ новооткрытаго Галицкаго Общества состоитъ именно изъ членовъ этихъ Славянскихъ-же Обществъ.

Скажетъ, пожалуй, еще кто нибудь, что, дескать, Галичане приходятъ сюда, получаютъ хорошія мѣста и т. п.—вотъ и польза!..

Это вопросъ чрезвычайно важный, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и щекотливый, поэтому нужно его обработать съ особенною осторожностію, такъ, чтобы не задѣть никого, да и себя не дать въ обиду, а притомъ поставить дѣло такъ ясно, чтобы впредь не было болѣе никакого уже сомнѣнія.

Стало-быть, Галичане—„приходятъ“ сюда, получаютъ „мѣста“... Значитъ, стòитъ только въ ноги поклониться!.. Но мы посчитаемъ всѣхъ тѣхъ Галичанъ, которые „пришли“ сюда. Сколько ихъ всѣхъ?—Оказывается, что за все время, какъ Галичина принадлежитъ къ Австріи, всѣхъ Галичанъ могло переселиться въ Россію, не болѣе человѣкъ—300!.. Да и что-же это за люди?—Посмотримъ. Громадное большинство ихъ—это люди, *вызванные въ Россію отъ имени русскаго Правительства.* Въ первой линіи—галицкое духовенство, вызванное сюда, для занятія приходовъ Холмской епархіи, и приведенія ихъ въ Православіе, что̀ оно и исполнило добросовѣстно. Во второй же линіи—учителя гимназіи, во время введенія классической системы въ русскихъ гимназіяхъ. А нужно имѣть въ виду еще и то, что всѣ эти люди были—вовсе не какіе-то бездомные босяки, безъ

угла и хаты,—а всѣ люди почтенные, люди съ положеніемъ, имѣвшіе, и у себя на родинѣ, свои теплыя „мѣста" и мѣстечка, и въ милостяхъ ничьихъ не нуждалися. А тѣ у кого не было своихъ мѣстъ на родинѣ, такъ это были все еще молодые люди, учащіеся, у которыхъ еще и не могло быть своего мѣста. А главное, всѣ эти люди были сильные патріоты. И всѣ они были вызваны въ Россію, повторяемъ еще разъ,—отъ имени русскаго Правительства! А не по собственному побужденію переселились они сюда. Правительство платило за нихъ, давало разныя льготы, и всевозможными способами сильно поощряло ихъ „прійти" сюда, потому что ему эти люди были *нужны*. Мы сами нпр. помнимъ еще, какъ одинъ священникъ, нѣкто Амвросій Сѣтницкій,—переселившійся тоже въ Россію, и въ это время бывшій инспекторомъ Холмской Духовной Семинаріи,—какъ онъ отправился въ Галичину „на вербовку" въ семинарію молодыхъ людей, посланный туда своимъ-же начальствомъ, а у него цѣлая куча готовыхъ уже паспортовъ, штукъ какихъ-нибудь двадцать. И онъ ѣздилъ по городамъ и весямъ, по своимъ знакомымъ, и отыскивалъ охотниковъ для этого... Вотъ кто были эти люди! Такъ, что со всего этого числа, лицъ совсѣмъ свободно и по собственному побужденію переселившихся въ Россію, будетъ весьма ничтожное количество, о которыхъ и говорить не стòитъ. Но замѣчательно тò, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ еще карьеры въ Россіи. Самое большое, чего могли достигнуть нѣкоторые изъ нихъ, это должность директора гимназіи. Но въ то время, и въ Галичинѣ, чуть-ли не половина всѣхъ директоровъ при гимназіяхъ были Галичане-же, такъ-какъ По-

лякамъ, тогда еще, не давали хода. Но главное тò, что почти всѣ впослѣдствіи, раскаивались, такъ-какъ они, почти сплошьдарядомъ, попали здѣсь, благодаря интригамъ инородцевъ, въ такую кабалу, о которой они раньше и представленія имѣть не могли. А главная причина этой кабалы—ихъ *патріотизмъ*, котораго здѣсь въ Россіи тогда еще знать не хотѣли, а можно сказать,—и нынѣ еще не особенно ищутъ. Особенно сильно дала себя почувствовать эта кабала галицкому духовенству Холмской епархіи, гдѣ она составляетъ цѣлую исторію. Объ одномъ нпр. священникѣ, пок. Іоаннѣ Удиловичѣ, бывшемъ настоятелѣ Старосельскаго прихода, великомъ патріотѣ, положившемъ громадныя заслуги для Православія, въ своемъ, почти уже совсѣмъ окатоличенномъ, приходѣ, и человѣкѣ безукоризненной жизни, можно бы составить отдѣльную книжку, и написать настоящій романъ. Благодаря интригамъ своего помѣщика, фанатика Раковскаго, строчившаго на него постоянно анонимные доносы и клеветавшаго на него самымъ возмутительнымъ образомъ, онъ попалъ въ такую немилость у преосв. Леонтія, что и умеръ въ опалѣ. Но чтò замѣчательно, это тò, что его дѣти-сироты еще и до нынѣшняго дня страдаютъ отъ послѣдствій этой опалы ихъ отца-патріота, котораго однако лѣтописецъ запишетъ, когда-то, золотыми буквами въ исторіи Холмскаго Православія. Замѣчательно, что всѣ инородцы въ Россіи ничего такъ не боятся, какъ пробужденія патріотизма у русскихъ людей, такъ-какъ понятно, тогда имъ здѣсь нечего дѣлать.

Разумѣется, мы, говоря здѣсь о лицахъ, переселившихся въ Россію, по вызову ихъ сюда, го-

воримъ только объ однихъ главахъ семействъ. Поэтому, еслибы пришлось считать ихъ женъ и дѣтей, которыя, впослѣдствіи, могли тоже занять мѣста, и такимъ образомъ, увеличить общее число Галичанъ въ Россіи, то число ихъ было бы, пожалуй, хотя и немного, больше. Но вѣдь никто требовать не можетъ, чтобы только одни „вызванные" т. е. отцы пришли сюда, а женъ и дѣтей оставили въ другомъ государствѣ. По крайней мѣрѣ, такого условья никто имъ тогда не ставилъ.

Теперь мы спросимъ: Польза-ли и большая, для Галичины отъ того, что изъ ея нѣдра вызвали заграницу лучшихъ ея сыновъ и самыхъ преданныхъ патріотовъ, (такъ-какъ непатріоты сюда не отправлялись)? Польза-ли и большая, для Галичины отъ того, что оставленныя ими нагрѣтыя мѣста были заняты, впослѣдствіи, ея злѣйшими врагами?... На это пусть отвѣтятъ себѣ сами тѣ господа, которые думаютъ, что очень ужъ ихъ этимъ осчастливили... Да тохя бы даже въ эгоистическомъ отношеніи. Большая-ли выгода, если я закажу у сапожника пару сапогъ, а этотъ мнѣ отвѣчаетъ: „да я уже, дескать, получилъ заказъ, сдѣлать къ сроку..." Я прибавляю ему рубль-два, и говорю: „брось ты свой заказъ, а сдѣлай мой!"—И онъ, соблазняясь, бросаетъ и дѣлаетъ мой. Тогда я прихожу, осматриваю сапоги внимательно, по моему капризу, отыскиваю въ нихъ разныя мелочи, которыя мнѣ „не нравятся", придираюсь, ругаюсь, и бросая, наконецъ, въ досадѣ, деньги на столъ,—ухожу... А сапожникъ стоитъ, и въ слѣдъ мнѣ: „чертъ тебя дери, съ твоимъ заказомъ!.."

Это и есть та главная рана, которая и до ны-

нѣшняго дня еще не зажила, и никогда и не заживетъ, и отъ истеченія крови изъ которой, нынѣ хирѣетъ все русское Прикарпатье!

Но еслибы всетаки ктонибудь считалъ это благодѣяніемъ, что мы, дескать, „призрѣли" у себя вашихъ земляковъ,—такъ насколько-же больше благодѣяніе, оказанное Россіи Галичиною-же, которая тоже „призрѣла" у себя, да и гораздо болѣе, „русскихъ" людей, изъ Россіи? Ниже мы увидимъ, что около десятка тысячъ людей „изъ Россіи" пришло въ Галичину, и пристроилось на ея счетъ. Съ тою только разницею, что Галичане дали намъ своихъ лучшихъ сыновъ и патріотовъ, а мы послали ей своихъ изверговъ, ея худшихъ враговъ. А если такое громадное число „Русскихъ" пріютилось въ такой малой Галичинѣ, величиной съ одну губернію, то слѣдовало бы предполагать по справедливости, что огромная Россія пріютитъ у себя Галичанъ, по крайней мѣрѣ, милліонъ!—если не болѣе. Между-тѣмъ, за вычетомъ всѣхъ вызванныхъ сюда нарочно, остается на долю „призрѣнныхъ" ею, всего только нѣсколько ничтожныхъ и мелкихъ единицъ! Да и этими тыкать имъ еще въ глаза!..

Изо всего этого выходитъ то заключеніе, что, въ избѣжаніе причиненія вреда для Галичины, не слѣдовало бы принимать здѣсь никого изъ ея сыновъ, „пристроивать" ихъ, и давать имъ „мѣста". Это да! Да только смотря по тому—*кого*? Всѣхъ, занимающихъ мѣста на родинѣ—не принимать. Всѣхъ молодыхъ людей, предъ которыми еще вся судьба открыта—тоже нѣтъ. Но принимать только такихъ, *которые, по уважительнымъ причинамъ, не могутъ долѣе оставаться на родинѣ*, ко-

торые нпр. въ борьбѣ за свою народность слишкомъ нарвались, такъ что потеряли подъ собою почву, и другого выхода для нихъ уже нѣтъ. Такъ дѣлать и со всѣми Славянами. А то даже и для самой Россіи нѣтъ никакого разсчета цивилизировать себя Славянствомъ. Пусть они лучше подвизаются у себя на родинѣ «за Россію», свою матушку, а не въ Россіи. Здѣсь ихъ подвизанія не нужно. На это есть свои люди.

Но такихъ Галичанъ, спросимъ, много-ли „пріютилось“ въ великой Россіи? Кромѣ Головацкаго, Площанскаго да бѣднаго Наумовича, да какихъ-нибудь двухъ-трехъ человѣкъ изъ мелкихъ, молодыхъ, людей, кажется, впрочемъ, никто болѣе. А вотъ такихъ именно и слѣдовало бы принимать здѣсь, которые лишены уже всякой возможности быть полезными на родинѣ, могли бы послужить ей еще, живя по этой сторонѣ границы. Между-тѣмъ мы дѣлаемъ, обыкновенно, совсѣмъ наоборотъ. Если и дадимъ ходъ, то принципіально только „молодому“ пришельцу, ищущему здѣсь карьеры, и который, нерѣдко, именно, во избѣжаніе всѣхъ „непріятностей“ борьбы на родинѣ, и хотящій мирно да сладко пожить, бросаетъ ее предательски и переходитъ въ Россію. Людей же старшихъ, *принужденныхъ, просто, бѣжать* сюда отъ преслѣдованій политическаго шовинизма враговъ, къ этимъ людямъ здѣсь мы относимся зачастую совершенно равнодушно, если даже не хуже. Прикарпатье призрѣло у себя точно такихъ-же людей, бѣжавшихъ изъ Россіи (конечно, Поляковъ), какъ мы уже сказали, около десяти тысячъ, и всѣхъ устроило, мы же не призрѣли у себя, изъ такихъ людей, ни одного десятка. Поэтому они тамъ и дѣло дѣлаютъ,

и всѣхъ Поляковъ подняли на ноги противъ Россіи; прикарпатскіе же „бѣглецы“, въ Россіи, все равно, что умершіе для своей родины. Эти, нерѣдко идеалисты, увлекшіеся слишкомъ на своей родинѣ, и потерявшіе изъ-за этого всю свою судьбу и карьеру, бродятъ нынѣ цѣлые десятки лѣтъ по улицамъ Петербурга, думая лишь о томъ,—какъ бы пробиться имъ нынѣшній день? И предаваясь созерцанію надъ всѣмъ минувшимъ, удивляются сами себѣ: какъ это, дескать, мы могли быть столь неразумными? А если и заговорятъ къ кому-нибудь о дѣлѣ, то получаютъ въ отвѣтъ всегда стереотипную фразу: вы, дескать, не здѣшній подданный, ваше образованіе не имѣетъ здѣсь значенія; наконецъ, да у насъ и своихъ-то довольно... Словомъ, ему отвѣчаютъ здѣсь совсѣмъ то-же, что сказали бы и всякому пришедшему сюда изъ заграницы, Поляку-ненавистнику или Еврею-марксисту, или что сказали бы ему и въ Германіи, Англіи, Испаніи и т. п.

Да этимъ-то разнымъ марксистамъ здѣсь гораздо лучше. Они найдутъ здѣсь своихъ единомышленниковъ, которые уже позаботятся о нихъ и заступятся за нихъ. За Русскаго же изъ Прикарпатья здѣсь не заступится никто! Славянскимъ Обществамъ до него дѣла нѣтъ, потому что оно только для Сербовъ да Болгаръ, и только въ послѣднее время, они открыли рубрику также еще и для Македонцевъ. Словомъ, русскій человѣкъ, изъ русскаго-же Прикарпатья, проживаетъ въ русской Россіи совсѣмъ на тѣхъ-же правахъ, какъ и всякій другой иностранецъ, Англичанинъ, Турокъ и т. д. Ему можно проживать въ Россіи за паспортомъ, болѣе ничего; этимъ—тоже. Не такъ дѣ-

лают умные Нѣмцы. У нихъ Нѣмецъ, хотя-бы изъ Капланда, имѣетъ гораздо болѣе „правъ“ въ Берлинѣ чѣмъ нпр. родившійся тамъ Полякъ.

Такъ, вотъ мы и отвѣчаемъ теперь тѣмъ господамъ, которые утверждаютъ, что Галичане, дескать, „приходятъ“ сюда и получаютъ „мѣста“. Кто приходитъ? Пришли только тѣ, которыхъ сюда вызвали: этимъ и дали „мѣста“, а впослѣдствіи пристроили, конечно, и ихъ дѣтей. Но это нужно было Правительству, а не имъ, и до этого намъ дѣла нѣтъ. Всякій покупаетъ тò, чтò ему нужно, и здѣсь никакой милости не существуетъ. Но «приходить-то“ сюда, Галичане не „приходятъ“—повторяемъ— а слѣдовательно и мѣстъ никакихъ не получаютъ. Такъ-какъ, хотя бы и пришли, то, все равно, ничего не получили бы, какъ показываетъ опытъ, и какъ мы только-чтò изложили. Нѣмцамъ нужно только Нѣмцевъ а не Русскихъ. А тѣхъ, которые дѣйствительно „пришли“ сами сюда, такъ мало, что просто смѣшно о нихъ и упоминать. Да кромѣ того, они, въ большинствѣ, пробиваются, какъ знаютъ, сами, и не занимаютъ никакихъ „мѣстъ“. Они знаютъ же, что Россія для нихъ нисколько не лучше Германіи, Англіи, они и туда могутъ идти, все равно. Конечно, предполагать и слѣдовало бы, по европейской логикѣ и политикѣ, что Галичанъ въ Россіи будетъ больше всѣхъ остальныхъ Славянъ, какъ „русскихъ“-же людей, и какъ живущихъ въ безпосредственной близости съ нею. Чтò-же болѣе естественно, какъ тò, что „Русскій“ изъ „Руси“ пришелъ на „Русь“? Но мы этому еще любезно удивляться расположены иногда, а не удивляемся только тому, если весь остальной міръ милліонами валитъ въ Рос-

сію!.. Напрасно! Нечего пенять, такъ-какъ Галичанъ въ Россіи, не только менѣе всѣхъ иностранцевъ, но менѣе и всѣхъ остальныхъ Славянъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, ихъ не болѣе человѣкъ пятнадцати, включая въ это число, конечно, и всѣхъ „вызванныхъ“ сюда, и самыя мелкія единицы, выручающія не болѣе 50 даже 30 р. въ мѣсяцъ, или же занимающіяся въ частныхъ мѣстахъ, или, наконецъ, питающіяся даже случайнымъ заработкомъ! Да что-же это? Вѣдь однихъ „новоизобрѣтенныхъ“ Македонцевъ, здѣсь, въ Петербургѣ, гораздо болѣе, „и ни единъ отъ нихъ забвенъ есть предъ Матушкой“...

Но вотъ куда устремилась нынѣ вся Прикарпатская Русь!.. Не въ единокровную, единородную, единонеразрывную, ничѣмъ не отдѣленную отъ нея, одними и тѣми-же жилами связанную, и тутъ-же, рядомъ съ ней лежащую, Россію, а—*въ заокеанскую Америку*, предоставляя первую — Армянамъ, Евреямъ и другимъ возлюбленнымъ ея чадамъ! Тамъ они находятъ болѣе для себя почвы, чѣмъ въ „родной“ Россіи. Нынѣ времена другія. Кровь—что̀ такое „кровь“? Нынѣ—„гешефтъ“ а не „кровь“. Это только „Славяне“ такіе счастливцы, что ихъ „единокровье“, почему-то, цѣнится нѣкоторыми людьми. Наше же галицкое „тожде-кровье“ для нихъ никакой не имѣетъ цѣны. Но вотъ оно имѣетъ цѣну для Американцевъ! И вотъ куда устремились чада русской земли, сыны великаго Даніила Галицкаго! Вотъ куда и пошли—сотни тысячъ здоровыхъ и кроткихъ сыновъ Прикарпатья! Вотъ куда, наконецъ, они и унесли съ собой — *десятки милліоновъ* денегъ, которыя Матушка не по-

желала принять у себя, такъ-какъ она любитъ только „давать“!.. Одинъ океанъ поглотилъ уже въ себѣ цѣлые десятки милліоновъ рублей, которые захватили, за проѣздъ, разныя пароходныя общества! А что припасенное имущество! Вотъ куда идутъ наши Галичане, и вообще всѣ русскіе люди изъ Прикарпатья, и гдѣ они получаютъ „мѣста“! Въ Америку! А не въ Россію!—Куда!.. Тутъ имъ и шагомъ границы переступить не дали, а такъ и погнали обратно—прочь!... Туда они идутъ и до нынѣшняго дня,—эти здоровые, трудолюбивые, выносливые и самые кроткіе въ мірѣ люди! Люди, самые преданные Россіи и ея Православію, люди, которые въ ея «Царѣ» и души не чаютъ... Но Россіи такихъ людей, должно быть, не нужно. Очевидно, ей нужно людей неспокойныхъ, штундотворцевъ, смутотворцевъ и т. п. Это тоже образецъ клейнмихельской дипломатіи, по рутинѣ плюдергозовъ на обтяжку. Будь это, положимъ, храбрые рыцари aùs Schwabenland, то съ ними такъ коротко не обошлись бы. И на всякій случай перелито бы много чернилъ на бумагу, «доказано» много разъ, о „великомъ культурномъ значеніи“ для Россіи, даже для ея Православія, и нынѣ еще, этихъ разныхъ Меннонитовъ, Квакровъ, „Моравскихъ брудеровъ“ и т. п. разныхъ нѣмецкихъ Офтальмоскоповъ - пупосмотровъ. Но такъ - какъ это были, просто, русскіе люди, такъ, понятно, нечего съ ними долго церемониться. Нѣмцы напугались и—долой!..

Но Американцы приняли ихъ съ открытыми руками. Варвары они, послѣ этого. Очевидно, древнерусское, московское, „варварство“ перешло нынѣ цѣликомъ въ Америку. Однако они приняли

нхъ тамъ, такъ-какъ имъ „нужны“ люди выносливые, притомъ скромные и довольствующіеся малымъ. Они этимъ дорожатъ болѣе чѣмъ деньгами. Это имъ, именно, и приноситъ деньги. Но это мы и понимаемъ. Это дѣйствительно милость, достойная всякой признательности. Стоитъ въ ноги поклониться. Просто, шапка сама валится на полъ.

. Вотъ что говоритъ всякій Галичанинъ, котораго только вы спросите! Столько и всей пользы, какую имѣетъ это русское Прикарпатье отъ Россіи! „Мы—подчеркиваютъ Галичане съ особенною силою—были бы чрезвычайно счастливы уже и тѣмъ, еслибы Россія могла служить для насъ только надежнымъ резервомъ, чтобы, въ случаѣ, если нашему брату не хватитъ уже болѣе подъ ногами почвы на родинѣ, чтобы онъ могъ во всякое время разсчитывать на то, что ему въ Россіи не скажутъ стереотипнаго: „у васъ, дескать, нѣтъ подданства, у васъ нѣтъ здѣшняго образованія“ и т. п., а уже безо всякихъ препятствій позаботятся объ его дальнѣйшей судьбѣ. Тогда мы и смѣлѣе дѣйствовали бы, и все наше дѣло стало бы гораздо прочнѣе“.

Словомъ, польза, какую имѣетъ нынѣ Прикарпатская Русь отъ нашей Россіи, это, въ самомъ дѣлѣ, пока только воображаемая величина, сводящаяся на дѣлѣ къ нолю. Она вся состоитъ только въ одной—*надеждѣ на будущее.* Наши братья надѣются, именно, что это бездушное время всегда существовать не можетъ, а что прійдетъ скоро часъ, когда, наконецъ, и объ этомъ уголкѣ Руси заговорятъ всѣ въ Россіи. Поэтому они ждутъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ этого дня, а пока въ молчаніи проглатываютъ горькія пилюли своей всѣми

забытой судьбы, хотя и у всѣхъ на виду. А эта „надежда“,—столько и всей пользы.

Б) Вредъ ***для Прикарпатской Руси отъ ея единоплеменности и безпосредственнаго сосѣдства съ Православной Россіей.***

Будемъ говорить спокойно. Не для укора же пишемъ мы это, и не съ озлобленіемъ, а для знанія дѣла. Нужно же, наконецъ, представить настоящую картину, и поставить дѣло такъ какъ оно есть. Иначе намъ никакъ не выпутаться изъ этого заколдованнаго круга, и мы будемъ всегда впадать въ противорѣчья, къ удовольствію нашихъ враговъ, и къ нашему величайшему вреду. Нѣтъ ничего хуже, и ничто не порождаетъ столько недоразумѣній, какъ, если мы считаемъ себя благодѣтелями тамъ, гдѣ, надѣлѣ, мы скорѣе только—„вредители“. А это, именно, и имѣетъ мѣсто въ предлежащемъ случаѣ.

1) Уже одно „существованіе“ Россіи является для сыновъ русскаго Прикарпатья неизсякаемымъ источникомъ всевозможныхъ бѣдствій. „Еще не было въ исторіи примѣра—говорятъ они—чтобы какое-либо племя терпѣло преслѣдованія отъ своего правительства за то, что рядомъ съ нимъ лежитъ другая половина тогоже племени, однако находящаяся подъ другимъ правленіемъ. Только мы одни, Галичане, дождались этого. Только насъ однихъ гонятъ, преслѣдуютъ, мучатъ, лишаютъ хлѣба, даже стрѣляютъ, убиваютъ, за то лишь одно, *что рядомъ съ нами, тутъ-же, лежитъ, какая-то, Россія*, что она огромна, что она сыта, и что въ этой Россіи живутъ люди, которые, къ нашему величайшему несчастью, тоже называютъ себя „Русскими“! Уже этого одного вполнѣ достаточно, чтобы соста-

вить себѣ вѣрное понятіе о томъ: какое значеніе имѣетъ для Прикарпатской Руси эта бѣдовая „Россія“, и сколько горя исходитъ для нея изъ этого несчастнаго источника. „Понятно, послѣ этого— продолжаютъ они—что не будь нынѣ тойже „Россіи“, не было бы и этого горькаго источника, изъ котораго истекаетъ столько бѣдствъ на нашу родину, и мы были бы нынѣ однимъ изъ самыхъ завидныхъ народовъ въ Австріи. Извѣстная наша лояльность пріобрѣла намъ, уже въ самомъ началѣ, расположеніе австрійскихъ правящихъ круговъ, которые, сначала, не на шутку, хотѣли положиться на насъ, и называли насъ „Тирольцами Востока“ *). Въ этой цѣли, въ 1848 г., они вызвали къ себѣ нашихъ передовыхъ людей, воглавѣ съ митрополитомъ, и спросили ихъ:—Скажите вы намъ, кто вы собственно? Если вы „Русины“,—совсѣмъ отмѣнный отъ „Русскихъ“ въ Россіи народъ, то вы предпочтительнѣе намъ Поляковъ; если же вы—тѣже чтò и „Русскіе“ въ Россіи, то Поляки предпочтительнѣе намъ васъ“? Къ слову говоря, изъ этого видно, что Австрія еще тогда замышляла измѣну Россіи, когда русская кровь лилась за нее, тутъже, наполяхъ Закарпатья. *)—Наши представители не знали, чтò на это отвѣтить, такъ-какъ, говоря правду, они и сами не знали тогда еще—кто они? Но умные Нѣмцы и не нуждались въ ихъ отвѣтѣ, такъ-какъ они сами вскорѣ откопали, что „Русины“ Прикарпатья, это все равно чтò „Русскіе“ въ Россіи, и слѣдовательно, дали, предпочтеніе Поля-

*) Въ время мятежей въ Австріи, въ половинѣ прошлаго столѣтья, только одни Тирольцы и Галичане остались вѣрными династіи.

камъ. Стѣхпоръ и начались наши бѣдствія. Тутъ и впервые сказалось: что̀ такое для насъ Россія?

Ея могущество, вмѣсто того, чтобы вызвать страхъ у враговъ, и быть для насъ защитою отъ всѣхъ обидъ и оскорбленій, напротивъ того, оно ложилось на насъ всею своею громадою, такъ-какъ, именно, изъ-за этого, насъ тамъ и преслѣдуютъ. И мы нынѣ вмѣсто того, чтобы быть первыми— послѣдніе со всѣхъ Славянъ въ Австріи. Словомъ, Россія легла намъ колодой поперекъ дороги, и повисла на шеѣ тяжелымъ бременемъ. Ни впередъ ни взадъ. А Россія, между-тѣмъ, и въ усъ себѣ не дуетъ. Да еще есть тамъ люди, которые думаютъ, что она наша защита и благодѣтельница!.. Сохрани Богъ всякаго грѣшнаго человѣка отъ такой защиты и такого благодѣянія!..“

2) Второй вредъ—*украинофильство*. Изъ тойже Россіи пришла на Прикарпатскую Русь, извѣстно, и вся зараза украинскаго, народнаго, соціалистическаго, раскола, придуманнаго и раздутаго Поляками, при помощи, конечно, невольной, русскаго правительства. Благодаря этому, нынѣ вся Галичина раздѣлена на два стана, и Русскій поѣдаетъ Русскаго, къ величайшему удовольствію всѣхъ нашихъ враговъ.

3) Около 10.000 Поляковъ-эмигрантовъ пришло, въ послѣдніе годы, преимущественно изъ Россіи, въ Прикарпатскую Русь. Всѣ ссыльные каторжники, повстанцы, революціонеры, уцѣкинеры, драгомановцы и т. п. сбродъ, все это, помилованное русскимъ правительствомъ, или непомилованное, потянуло вереницей въ бѣдную страну Прикарпатья. Съ одной стороны, они отбили у нашихъ братьевъ, и безъ того, скудный хлѣбъ, съ другой же сто-

роны, они, занявъ тамъ разныя должностныя мѣста, казенныя и частныя, стали въ ряды ихъ враговъ, и нынѣ они только и вымещаютъ на нихъ то чего на сильной „Москвѣ“ выместить не могли. Но Россія ихъ „помиловала“! Какая добрая эта Россія! Трогательно! Просто слезы умиленія навертываются на глаза! Насколько-же болѣе—слѣдуетъ предполагать—будетъ она милостивою для своихъ родныхъ братьевъ! Поэтому, очевидно, она и послала ихъ имъ на шею!..

Помилованные бискупы, всѣ удираютъ въ Галичину. Туда пошелъ извѣстный революціонеръ 60-тыхъ годовъ, бискупъ Фелинскій, которому русское правительство, вдобавокъ, давало еще, до смерти, пенсію въ 3000 р. Онъ остановился въ Черновцахъ, вызвалъ сюда іезуитовъ, построилъ громадный костелъ, и сталъ совращать православные приходы въ католичество, чего всего раньше тамъ не было. За нимъ пришелъ бискупъ Гриневецкій... И кто-кто туда не идетъ?—Это все подарки русскому Прикарпатью отъ великой Матушки на сѣверѣ!..

4) Увлеченіе пок. Наумовичемъ Россіею и его Православіемъ, стоило Прикарпатской Руси того, что и онъ погибъ для нея, и всѣ монастыри отняты были у русскихъ Галичанъ, да еще вся ихъ Церковь закрѣпощена въ рукахъ іезуитовъ. Въ одномъ Добромильскомъ монастырѣ было около *200 тысячъ* гульденовъ, наличными деньгами. Это все забрали іезуиты, и обратили на пропаганду католичества на Руси!

5) Дальше, таже Россія поглотила въ себѣ цѣлую армію самыхъ лучшихъ галицкихъ патріотовъ, въ качествѣ учителей гимназіи и духовенства, вызваннаго сюда для приведенія обратно въ

Православіе уніатовъ Холмской епархіи. Взамѣнъ же этого, дала она имъ—что̀? Все то уніатское духовенство Холмской епархіи, которое не хотѣло присоединиться къ Православію, и примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ этой епархіи, до мозга костей проникнутое католичествомъ и латинствомъ, и ополячённое, хуже самихъ Поляковъ. Вся эта дребедень хлынула въ туже несчастную Галичину, заняла самые лучшіе приходы, и давай вновь ополячивать и окатоличивать бѣдное населеніе, которому ихъ предмѣстники, только-что, да и съ такимъ трудомъ, успѣли внушить сознаніе своей русской народности и своей отдѣльной, отъ католичества, русской Церкви. Это тоже подарокъ!..

6) Наконецъ, что-же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда люди, компетентные, имѣютъ нужду постучаться къ чувству патріотизма отдѣльныхъ лицъ изъ Прикарпатья, а когда послѣдніе, вслѣдствіе этого, разорились, то ихъ оставляютъ на произволъ судьбы? А и такіе есть здѣсь, въ Петербургѣ! Нѣтъ, господа! „Кто любитъ кататься, пусть любитъ и саночки возить"—говорятъ. Намъ и безъ васъ съ трудомъ дается хлѣбъ. А лишаться его еще изъ-за васъ сытыхъ?.. Да что-же это такое, наконецъ?

Но довольно! А то въ самомъ дѣлѣ подумалъ бы кто, послѣ этого, что Россія—первый, да и самый главный, врагъ Прикарпатской Руси, и что она ничего столь не желаетъ, какъ того, чтобы погубить окончательно этотъ русскій уголокъ. „Сохрани Богъ, чтобы мы такъ думали!—говорятъ Галичане.—Это грѣхи юности, грѣхи невольные. Мы видимъ, что бѣдная Россія и у себя дома ведетъ почти такую-же борьбу, какую ведемъ мы здѣсь, у подножья Карпатъ, за существованіе, и сохраненіе

своего русскаго имени. Мы видимъ, что русскій народъ и у себя въ Россіи не полный хозяинъ своей земли. И здѣсь происходитъ та-же эволюція, и здѣсь разыгрывается тотъ-же процессъ, что и у насъ. Голодные, забредшіе сюда, когда то, попрошайки, со всѣхъ сторонъ свѣта, въ мѣру того, какъ они откормились, превратились въ ненасытныя пьявицы, и тутъ и тамъ, и у насъ и у васъ, въ ядовитыя ящерицы, которыя, высасывая послѣдніе соки нашего народа, вмѣсто того, всасываютъ въ него свой убійственный ядъ и всякую заразу, чтобы вконецъ убить его, и впослѣдствіи, „раздѣлить ризы его“, и все его достояніе. Они-то и покрыли толстою пеленою космополитизма всю русскую землю, засорили ея святыни, внушили ея сынамъ самоубійственный пессимизмъ, и пользуются ими, какъ баранами, чтобы ихъ тупыми лбами разбивать стѣны ихъ собственной, родной, крѣпости“...

Относительно же всѣхъ этихъ почтенныхъ Славянскихъ Обществъ въ Россіи, скажемъ еще то, что не отрицая ихъ плодотворной дѣятельности для другихъ Славянъ, по отношенію же къ русскому Прикарпатью, вся ихъ дѣятельность отразилась въ видѣ весьма печальныхъ послѣдствій, что, впрочемъ,—сознаемъ это охотно—вовсе отъ нихъ не зависѣло. Это не шутка, полъ вѣка жить подъ обухомъ безпрестанныхъ подозрѣваній, и терпѣть всевозможныя обиды и придирки, а все изъ-за того, что, гдѣ-то, въ Россіи существуютъ, какія-то, Славянскія Общества, которымъ до сыновъ Прикарпатья почти никакого дѣла нѣтъ, ни этимъ до нихъ. Это что-нибудь да значитъ. А что, положимъ, другимъ Славянамъ съ этимъ хорошо,

то помилуйте же! Какая нравственная необходимость заставляетъ однихъ Славянъ, и къ тому еще Русскихъ, обрекать себя сознательно на гибель, чтобы спасти другихъ Славянъ?.. Тѣмъ болѣе, что погибая сами, они своею смертью всетаки не спасутъ ни одного Славянина. Изъ господъ славянофиловъ, навѣрное, никому еще не пришло въ голову подумать надъ тѣмъ, какіе отъ этого иногда бываютъ тамъ случаи. Приведемъ одинъ такой. Когда, въ 1890 г., почтенный секретарь Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, пок. В. И. Аристовъ праздновалъ свой юбилей, то многіе изъ русскихъ Галичанъ послали ему адресъ, изъ Львова. И что-же вышло? Полиція вызвала къ себѣ всѣхъ подписавшихся на адресѣ, дала имъ внушительное наставленіе, а одинъ изъ нихъ, нѣкто, Лукьянъ Гумецкій, служившій тогда въ судѣ послѣдній (4-тый) обязательный годъ, какъ „безплатный авскультантъ“, былъ „претерированъ“ т. е. ему не дали въ слѣдующемъ году слѣдуемаго ему жалованья въ 500 гульд. Видя, что его карьера уже на всегда испорчена, и что онъ „замаранъ“, онъ вынужденъ былъ бросить совсѣмъ службу и искать другого хлѣба. Чрезмѣрное напряженіе отняло у него здоровье, и онъ, вслѣдствіе этого, и умеръ, еще будучи молодымъ человѣкомъ. А все изъ-за того лишь одного „преступленія“, что подписался на адресѣ Аристову. Между-тѣмъ, мы думаемъ, что, какъ впрочемъ ни почтененъ былъ пок. юбиляръ, всетаки, весь его юбилей не стоилъ и одногодичнаго жалованья пострадавшаго судебнаго авскультанта, а не то всей его карьеры. Но если бы пострадавшій, бѣдный, авскультантъ, впослѣдствіи, отправился въ Петербургъ, и обратился съ

просьбою въ Славянское Благотворительное Общество, чтобы ему дали, положимъ, пособье въ 100 р., въ вознагражденіе „потерянныхъ“, уже не 100 р., а всей карьеры, или просилъ пристроить его „гдѣ-нибудь“, то мы увѣрены (такъ-какъ знаемъ по опыту), что всѣ его хлопоты остались бы безъ послѣдствій.

А такихъ и тому подобныхъ примѣровъ набралось бы тамъ много, гдѣ всѣ подобнаго рода учрежденія въ Россіи, Русскимъ въ Прикарпатіи, нетолько не приносили и не приносятъ никакой пользы, но, напротивъ, только еще пуще компрометируютъ ихъ. „Правда—говорятъ Галичане—компрометируетъ насъ сильно теперь и наше-же „Галицко-русское Общество“ въ Петербургѣ. Но теперь намъ, положительно, уже все равно. Мы потеряли уже почти все, и болѣе намъ нечего терять. Извѣстно: „Голый разбоя не боится“. А быть „врагомъ“, такъ уже быть настоящимъ врагомъ, а тогда съ нами скорѣе будутъ считаться. Благодарности нынѣ никто не признаетъ, а вражду всякій старается „задобрить“. Такъ мы теперь идемъ уже—напроломъ! И ничего знать не знаемъ! Надъ нами Австрійцы всегда лишь подтрунивали, говоря, что мы—„kaiserlicher als der Kaiser selbst“, что мы—„päpstlicher als der Papst selbst“, и что мы, вообще,—„oesterreichischer als die Oesterreicher selbst“ *)—и давай насъ гладить за это—противъ шерсти! Такъ мы нынѣ поступимъ согласно нашей пословицѣ: „Кому мое не въ ладъ, то я съ своимъ назадъ“. Насилу милъ не будешь.

*) Болѣе преданы кайзеру, чѣмъ онъ самъ себѣ, болѣе преданы папѣ, чѣмъ онъ самъ себѣ; и вообще болѣе преданы Австріи, чѣмъ она сама себѣ“.

Всѣхъ же друзей Славянства, мы просимъ еще разъ, не смотрѣть на наши замѣтки, по отношенію къ Славянскимъ Обществамъ въ Россіи, односторонне, со злой стороны, — а съ доброй. Всякій ищетъ своей пользы, а не пользы другихъ. „Намъ дѣла до того мало,—говорятъ Галичане—что другимъ Славянамъ было съ этимъ хорошо, да *намъ-то*, было плохо, а подчасъ и очень плохо. И этого вполнѣ достаточно". Но мы всетаки не враги, ни имъ ни Славянамъ, а друзья—братья, и—какъ это всякій видитъ—не съ желчью говоримъ мы это, а съ любовью. Нужно же, наконецъ, гдѣнибудь, когданибудь, какъ-нибудь и предъ кѣмъ-нибудь высказать все то, чтѐ у насъ на сердцѣ, а всѣмъ легче станетъ, и дѣло можно поправить. Иначе пойдутъ только недоразумѣнія, за этими—недоумѣнія, а тамъ уже пререканія, и тогда еще хуже. Не забудемъ же, что враги только и караулятъ, чтобы уловить чтонибудь и раздуть. Напрасно! Шила въ мѣшкѣ не скроешь. А сказать—нужно!

Изъ этого всего мы видимъ теперь наглядно, какую, въ самомъ дѣлѣ, незавидную роль играетъ все могущество Россіи въ исторіи, всетаки, нашего-же, родного, Прикарпатья. Это настоящій бичъ для него. А все это отъ—невѣдѣнія. „Мы были бы уже счастливы—заключаютъ, наконецъ Галичане—если бы Россія только исправила намъ все то, чтѐ она намъ испортила, волей-неволей. Будетъ съ нея и этого! Но мы даже и въ самомъ лучшемъ случаѣ, не увлекаемся такимъ оптимизмомъ, такъ-какъ, еслибы она и хотѣла искренно поправить все это, то какъ ни велика она, и мощна, а всетаки не хватило бы ей для этого силъ. Кто нпр., силенъ иско-

ренить у насъ украинскій расколъ?.. Поэтому, если-бы всей „пользы“ для насъ отъ Россіи было и впредь столько-же сколько нынѣ, то хотя бы она вся такъ и провалилась сквозь землю, сейчасъ-же, нынѣ-же, со всѣми своими губерніями, городами, весями и т. д., а на ея мѣсто образовалось бы озеро, „жупельное“, то намъ не много горя отъ этого. Изсякъ бы только источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. И тогда впервые наши глаза просіяли бы, и сердца наши вздохнули бы легче. Тогда никто насъ не подозрѣвалъ бы, и всѣ намъ угождали бы, чтобы насъ привлечь на свою сторону. А то лѣзть изъ шкуры за какую-то „Русь“, а за это получать еще отъ нея постоянно лишь оплеухи, — это уже слишкомъ, какъ хотите.

Полюбопытствуетъ, пожалуй, ктонибудь спросить: какъ помочь бѣдѣ? — **Клинъ клиномъ!..** Это средство, самое простое, самое раціональное, самое старинное, самое дѣятельное и самое легкое. Тутъ и противники ничего не могутъ сказать, не смѣютъ, ни „Европа“ ни либералы, ни-ни!.. Всякому ротъ будетъ зажатъ еще раньше того чѣмъ его разинетъ: „Не дѣлай другому что тебѣ немило“!..

Выходя изъ той точки зрѣнія, что наша Галицкая Русь, все равно, что Русь, Кіевская, Новгородская и др., ясное дѣло, что безчинствуя въ Прикарпатьѣ, Поляки безчинствуютъ *тамъ противъ насъ-же*! Теперь-же, съ какой стати мы будемъ терпѣть тамъ отъ нихъ, а баловать ихъ у себя? Ну, и понятно—клинъ клиномъ! Тѣмъ болѣе, что нашъ клинъ больше ихняго.

1) Они ставятъ намъ тамъ теперь въ епископы Поляковъ. Поставимъ мы имъ здѣсь въ Привислиньѣ въ бискупы—Русскихъ изъ Бѣлоруссовъ

патріотовъ. Но ужъ что за смыслъ придавать католичеству въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, непремѣнно характеръ—„польскій“? Зачѣмъ въ Петербургѣ нрп. „митрополитъ“ Полякъ? Этого и папа не смѣетъ желать: онъ же папа, не Поляковъ а—католиковъ! А если нѣтъ Русскихъ, то преданныхъ теперь Россіи, Французовъ, наконецъ, Нѣмцевъ и др. Зачѣмъ укрѣплять въ одномъ лицѣ, и церковь и народность, когда лучше для насъ раздѣлить это все?

2) Вывозятъ Русскихъ изъ Прикарпатья насильно въ Америку! Это небывалое дѣло, еще съ временъ Навуходоносора, выведшаго Евреевъ въ Вавилонъ. Еслибы мы вывозили Евреевъ изъ Россіи, вся Европа кричала бы; еслибы Германія Поляковъ вывозила—мы кричали бы. Но что это вывозятъ „Русскихъ“, то и мы молчимъ и всѣ. Въ отвѣтъ на это: выселимъ мы всѣхъ „упорствующихъ“ изъ Подлясья, и всѣхъ ополяченныхъ, когда-то, русскихъ людей, нынѣ же „Поляковъ“, изъ праваго берега Вислы на лѣвый.

3) Поляки въ Галичинѣ вызываютъ, наоборотъ, изъ Америки Поляковъ и заселяютъ ими оставленныя Русскими, земли восточной Галичины. Въ отвѣтъ на это: распространимъ мы запретъ пріобрѣтанія недвижимыхъ имуществъ въ юго-западной Россіи, также и на губерніи кореннорусскія—Люблинскую и Сѣдлецкую, Вызовемъ и мы изъ Америки обратно, всѣхъ выселившихся туда Галичанъ, и заселимъ ими земли „упорствующихъ“ и всю пограничную полосу и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ требуется стойкаго и испытаннаго элемента противъ іезуитскихъ козней, и для вліянія на заграницу.

4) Поляки раздѣли намъ Русь на „русскую“ и

„русинскую“?—Раздѣлимъ и мы ихъ Польшу на „польскую“ и „поляцкую“, т. е. ополяченную, галицкую. Въ старыхъ лѣтописяхъ читаемъ же, что даже и Краковъ стоитъ—„in terra Russiae“ *). И пр.

Скажутъ, пожалуй, лжелибералы что это „жестоко“? — Нѣтъ, это очень снисходительно. Такъ-какъ, не поставимъ мы теперь этого дѣла ребромъ, то прійдется, все равно, разрубить его мечемъ. А это еще хуже и болѣе жестоко. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти мѣры Поляковъ въ Галичинѣ направлены исключительно противъ Россіи, чтобы ее окружить, и съ этой стороны, врагами! Понимаемъ!...

Въ заключеніе всего, мы подчеркиваемъ то, что, какъ бы тамъ ни было, и что̀ бы тамъ кто ни говорилъ, но никто не можетъ отрицать наличности страннаго факта, что чуть-ли не весь міръ пользуется, а если не теперь, то пользовался когда-нибудь раньше, могуществомъ Россіи,—о Славянахъ уже и не говоримъ!—а только одно русское Прикарпатье, только одна Прикарпатская Русь, только одна и единственная на всемъ мірѣ наша историческая Червонная Русь, вмѣсто того, чтобы получать, какъ всякій ожидалъ бы и предполагалъ бы, совсѣмъ естественно, самую большую выгоду отъ своей племенной тождественности, и своего безпосредственнаго сосѣдства съ великою Россіею, напротивъ того, и противъ ожиданія всѣхъ, она получала, съ самаго начала своего существованія, и даже до нынѣшняго дня, получаетъ только одинъ убытокъ, только одинъ—**вредъ**. Она все это время была и есть этимъ **„козломъ отпущенія“** *за „грѣхи“*

*) См. Д. Зубрицкій: Границы между русскимъ и польскимъ населеніемъ въ Галичѣ.

Россіи, на которомъ, начиная съ XIV ст., до нынѣшняго дня, и Поляки и Нѣмцы и Румыны и Мадьяры и даже Евреи и всякій, у кого есть какія-либо претензіи къ Россіи, вымещаетъ то чего на мощной Россіи выместить не въ силахъ. А между-тѣмъ; ни одинъ изъ этихъ, облагодѣтельствованныхъ Россіею, народовъ не приносилъ ей никогда пользы, и не приноситъ, а напротивъ, многіе приносятъ ей, просто, даже вредъ, считаясь ея отъявленными врагами, а только одна, та-же, Прикарпатская Русь служила и служитъ ей всегда вѣрнымъ швейцаромъ у ея воротъ, перенося, въ то-же время, отъ нея всякаго рода обиды и самую неблагодарную непризнательность. Вотъ что̀ особенно больно! И мы хвастаясь нынѣ, что, дескать, почти вся Европа состоитъ въ долгу у насъ, какъ мы это въ началѣ отмѣтили съ особенною силою, а тѣмъ временемъ, оказывается, что мы сами состоимъ въ долгу, да еще у такой крошечной, Галичины!.. И въ результатѣ вышло то, что нынѣ Россія самая могущественная держава на земномъ шарѣ, а Прикарпатская Русь, именно, благодаря своей мощной сестрицѣ, самая слабая и самая забитая страна на свѣтѣ!..

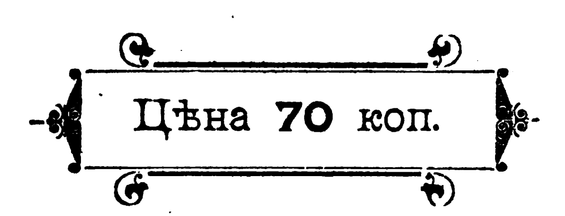
Вотъ вамъ и вся польза, если угодно!

Послѣ этого всего, пусть это не удивляетъ никого изъ насъ, если нынѣ Галичане на всякаго, кто приходитъ къ нимъ „изъ Россіи“, смотрятъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, и въ смущеніи и съ внутреннимъ трепетомъ неизвѣстности, поглядывая на него изъ подъ-лобья, и переглядываясь между собою, повторяютъ про себя слова Наѳанаила „Израильтянина, въ немже льсти нѣсть“:— „Отъ Назарета можетъ ли что̀ добро̀ быти“?..

Святопетровскъ въ февралѣ, 1904 года.

У того же автора имѣется еще:

„Русская Прикарпатская крѣпость“ 15 к.

Цѣна 70 коп.

Manufacturers
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.